

МАРИНА ИНДИВИ



ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ
РАГРАНА

КНИГА 3

Марина Индивиди

Черное пламя Раграна. Книга 3

«Литнет»

2022

Индивиди М.

Черное пламя Раграна. Книга 3 / М. Индивиди — «Литнет», 2022

Когда обстоятельства вынуждают меня вновь оказаться в Рагроне, любимый мужчина становится для меня врагом. Мы не можем простить друг друга даже ради детей, даже несмотря на то, что нас объединяет сильнейшее в мире драконье черное пламя. Но в миг, когда Мир окажется под угрозой, только мы сможем друг друга спасти. Тем более что у любви на все свои планы. Даже на нас. Заключительная книга трилогии. Первая часть: Вторая часть:

© Индивиди М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

Зингсприд, Аронгара

— Мам, он первый начал! — раздается вопль Лара, который сконфуженно смотрит в пол под взглядом перепуганной няни.

В детской комнате все перевернуто вверх дном. Игрушки валяются по полу, а еще на полу сидит Роа. Роархарн. Мой сын, который с каждым годом становится все больше похож на отца, за одним исключением: в нем нет ни капли черного пламени. Сейчас я понимаю, что именно это меня и спасло. Когда я заходила в свою беременность, я не думала о том, как буду растить ир்தханенка. Судьба, похоже, решив, что с меня хватит, не стала изгаляться и дальше, и все анализы показывали, что я самая обычная женщина и ношу самого обычного малыша.

Без единой капельки крови ир்தхана.

Самый обычный мальчик.

Если не знать, кто его отец.

Впрочем, то, что он — сын Вайдхэна, становилось понятно при одном только взгляде на него. Тот же взгляд из-под темных бровей, те же глаза... теперь я наверняка знала, как Бен выглядел в детстве, и как будет выглядеть мой сын, когда вырастет. Упрямый, он сейчас хмуро смотрел на покусанного — на запястье алеют следы от зубов — брата с растрепанными волосами. Сам такой же растрепанный, взъерошенный и готовый снова броситься в драку.

Вздыхаю:

— Ну и что вы не поделили на этот раз?

Хотя в принципе понятно, что. У этих двоих есть только одна причина драться, и она сейчас в соседней комнате.

— Сегодня моя очередь провожать Риа на балет, — говорит Роа и в упор смотрит на брата.

— Неправда! Ты ее провожал в прошлый раз! — Лар упирает руки в бока и смотрит на него сверху вниз. Мой сын поднимается. Как-то очень ощутимо. Как его отец: даже сейчас, маленький, он умеет посмотреть и сказануть так, что даже мне становится не по себе, но я все-таки мать. И я учусь с этим справляться, равно как и с чувствами, когда смотрю на точную копию Вайдхэна.

— Почему вы не можете провожать ее вместе? — спрашиваю я.

И вот же... дети! Я понятия не имела, что у них какая-то там очередность. Иногда у меня ощущение, что у моих детей больше секретов, чем у меня. Секретов от меня! С Ларом никогда такого не было, но Лара я до двух лет полностью растила сама. С появлением Роа и Рии, близнецов, которые сводили меня с ума, у нас появилось две няни. Они сменялись по графику, потому что выдерживать эти карманные ураганчики постоянно было достаточно сложно.

Да, у них не было пламени, но буянили они знатно. Я бы сказала, давали жару без огня. Риа родилась на пять минут раньше брата и всегда заявляла, что она старшая. Что касается Роа, он спорил с кем угодно, кроме сестры. А впрочем, сестру они с Ларом боготворили оба. Ларрет очень ревностно отнесся к брату, но над сестрой трясся, как над хрупкой драгоценностью.

Теперь вот выясняется, что у них очередность, чтобы провожать ее!

На балет.

— Эла, собери Риа, пожалуйста, — попросила я нашу первую и бессменную няню, которая еще помнила времена «только Лар». И, после того как она вышла, посмотрела на насупившихся мальчишек. — Так, парни. Давайте-ка сразу договоримся: никаких драк. Если вы хотите провожать сестру, делаете это вместе. Риа будет приятно, мне тоже, никаких конфликтов. А теперь миритесь.

Роа вскинул на меня сверкающий взгляд. Такой похожий на взгляд Бена!

Мне все время казалось, что пройдет время, и я перестану об этом думать. Пройдет время — и перестану вспоминать, перестану сравнивать, перестану искать черты мужчины, который однажды настолько вошел в мое сердце, что стал его частью. Но годы шли, и ничего не менялось, я бы сказала, менялось в обратную сторону. Сын все больше, больше и больше становился похож на отца. В отличие от сестры.

— Мам! — в комнату влетела Риярна. Светловолосая и голубоглазая, ни за что не скажешь, что они с Роа близнецы. — Мам, Эла хочет, чтобы я надела синюю юбочку, а я не хочу синюю, я хочу голубую.

Я развернулась к дочери. Мои парни, которые только что смотрели друг на друга драконами, мигом подобрались, меняясь в лицах. Я же с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться. Если можно было представить себе большую модницу, чем моя четырехлетняя дочь, то я ее не знала. По крайней мере, пока. Мне кажется, одежды у Рии было больше, чем у меня, причем она всегда выбирала то, что хочет надеть, сама. Всегда. С самого раннего детства. Когда, сидя у меня на руках, тянулась к разложенным на кровати костюмчикам и платицам, тыкая пальчиком в то, что хочет сейчас.

— Хорошо. Надень голубую, — сказала я.

— Эла! Мама сказала голубую! — надолго не задержавшись в комнате, дочь выпорхнула обратно к няне, а я снова повернулась к мальчишкам.

— Я жду.

— Ладно. Роа, давай мириться, — Лар протянул руку брату.

Роа плотно сжал губы, но после визита сестры он явно смягчился. Тем не менее перед тем, как протянуть ладошку Ларрету, все-таки выдержал паузу. А потом еще и снисходительно кивнул.

Глядя на то, как мои сыновья вместе собирают разваленные в потасовке игрушки: Ларрет складывает, Роа командует, что и куда лучше положить, изредка тоже подбирая одну-две, я вдруг четко осознала одну пугающую и столь же далекую от меня, как Рагран, истину. Если Вайдхэн когда-нибудь узнает о том, что у него есть дети, он меня никогда не простит.

С другой стороны, мне его прощение и не нужно. Это он говорил про аборт. Если бы у меня были дети... если бы он тогда узнал про них. Но он не узнал. Мои дети умели прятаться, и, видимо, благодаря какому-то чуду или генетике черного пламени они прятались надежно и долго. Дочь даже дольше сына, я очень хорошо помню свои глаза и глаза моего врача, когда она сообщила мне, что у меня будет двойня.

— Эсса Этроу, я не могу пока объяснить, как такое получилось, но у вас близнецы. Я была уверена... все исследования и аппараты показывали, что у вас только мальчик, но теперь я вижу второго ребенка. Это девочка.

Ее слова я тоже помню очень хорошо. А еще помню, как заколотилось мое сердце в этот момент. Забилося не просто с удвоенной, с утроенной силой. У меня даже перед глазами все поплыло: хорошо, что я лежала. И еще хорошо, что рядом был Элегард, который взял меня за руку, мягко сжал мои пальцы и твердо произнес, отвлекая врача от загадочного происхождения:

— Мы очень рады.

Да, я пошла на этот обман. Сказала, что он отец моих детей — всему миру и моим детям, хотя между нами ничего не было. Мы просто встретились пару раз, после того, как столкнулись на парковке моей будущей школы, и вот, когда мы пили кофе второй раз, я просто без причины разревелась на ровном месте. Слезы хлынули сами собой, я не успела их остановить, а Роа не стал спрашивать, просто увел меня из кафе и привез домой. Там я ему все и рассказала.

Рассказала, что не представляю, что с этим делать. Что бежала от того, от кого убежать нельзя, и что сейчас как никогда отчетливо понимаю, что когда он узнает... А он узнает, это вопрос времени — даже если мой ребенок не покажется на УЗИ и на анализах, рожать его мне придется — он придет в ярость и в лучшем случае его заберет (если узнает обо всем

после родов), а в худшем заставит сделать аборт (если узнает на ранних сроках). И тогда Роа предложил мне единственный на тот момент выход: сказать, что этот ребенок — его.

— Ты не представляешь, чем это может для тебя обернуться, — сказала я тогда.

— Как раз очень хорошо представляю. Но я потерял семью, Аврора, и я знаю, что нет ничего страшнее. Ради тебя... — Он помолчал и добавил: — Ради вас я готов рискнуть.

Сначала я хотела отказаться, ходила, думала, какими словами ему об этом сказать, а потом мне стало плохо на улице, меня отвезли на УЗИ. И мой мальчишка впервые мне показался. Совсем крохотный комочек, который легко можно из меня удалить — при мысли об этом меня пробрало так, что сразу после того, как меня отпустили домой, я позвонила Роа и сказала, что согласна.

— Мам, мы все, — отчитался Лар, выдергивая меня из мыслей.

Я оглядела комнату: все на своих местах.

Мальчишки как раз успели прибраться, а их сестра — собраться, когда приехал Элегард. У нас с ним было что-то вроде гостевого брака для всех. Для всех остальных, потому что между нами по-прежнему ничего не было, я была не готова подпускать к себе мужчин ближе, чем на расстояние вручения букета, а он не давил. Он вообще казался мне идеальным во всех отношениях, с парнями ладил, дочь была от него без ума.

Что естественно.

Для них он был папой. Но он и был — помимо ужинов и обедов с нами несколько раз в неделю и на выходные, он возил детей на прогулки, в аквапарк, в парки. Временами мне казалось, что Элегард проводит с ними больше времени, чем я. Возможно, так оно и было. Первые полгода после родов я восстанавливалась и занималась школой, а после ходила на пробы. Сначала мне давали совсем небольшие партии, эпизодические и второстепенные. А полтора года назад произошло чудо, меня заметил хореограф, которому я очень понравилась, и все случилось просто само собой.

В итоге я оказалась на главной партии в балете, который прогремел из Аронгары на весь мир, и мое имя снова полыхнуло в СМИ — правда, теперь уже не в связи с Черным пламенем Раграна, а в связи со мной. Школа, у которой до настоящего момента было четыре филиала (два в Зигнсприде, по одному в Мэйстоне и Балт-Лар-Сити, крупнейших городах Аронгары), мигом разрослась до тринадцати — по одному в каждом городе, и сейчас мои менеджеры вели переговоры о том, чтобы создать франшизу для других стран. Не говоря уже о том, что во всех городах Аронгары сейчас активно искали помещения для дополнительных филиалов.

— Пап! Па-ап-ааа!

Меня снова резанул крик Риа, когда дочь бросилась к Элегарду, а он легко подхватил ее на руки. На миг до искр перед глазами полыхнуло, как это могло быть с Вайдхэном, но я тут же отрезала себя от этих опасных мыслей. Никак. Никак не могло. Странно, что по прошествии всех этих лет мне еще в голову приходит такое.

— Какая ты у меня красавица. Будущая балерина, — улыбнулся Элегард, целуя Риа в щеку, и тут же перевел взгляд на меня. — Вся в маму.

— Если это был комплимент, то спасибо.

— Даже не сомневайся, Аврора. Это был комплимент. — Он чмокнул насупившуюся дочь в макушку: Риа терпеть не могла конкуренток за внимание папы. — Так. Все собрались? Парни?

«Парни» синхронно кивнули, хотя только что были в ссоре.

— Отлично. Тогда выдвигаемся. Попрощайтесь с мамой до завтра, сегодня вечером она танцует, а после я ее у вас украду. Так что когда она вернется, вы уже будете спать.

Я приподняла брови, но Элегард сделал вид, что все самое нужное уже сказал. Интриган.

— Пока, мам, — Лар прижался щекой к моей руке по старой памяти, но потом быстро смутился и рванул за дверь.

— Пока, мам, — повторил Роа, подхватив сумку сестры с платьем и пуантами. — До завтра.

Если бы кто-то попытался эту сумку у него отнять, ему бы не поздоровилось, поэтому я молча смотрела как мой взрослый младший сын выходит за дверь. Испытывая отчаянное желание его поцеловать, но Роа терпеть не мог «все эти нежности». Понятия не имею, почему — полная противоположность своему брату и сестре, которые даже внешне были похожи больше, чем близнецы. Возможно дело было в том, что я занималась карьерой и не была с ним столько, сколько с Ларом, ну а Риа девочка, они изначально нежнее. Но временами меня посещала дикая и безумная мысль, что Роахрн все знает. Знает все обо мне. О том, чей он сын, и видит меня насквозь.

— Пока, звездочка, — я чмокнула дочь в щечку, и она улыбнулась:

— А можно меня украсть вместе с мамой вечером?

И глазками сделала так: хлоп-хлоп. Я закусила губу, а Элегард откровенно рассмеялся:

— Будет уже слишком поздно, — ответил он. — Ты устанешь. Но я обещаю, что на выходных мы все вместе пойдем в аквапарк.

— Ура! Аквапарк! Ура! Папа, ты лучший! — Риа порывисто обняла отца, и я помахала им.

— Удачи тебе на занятиях, звездочка.

— Тебе тоже удачно выступить, мам!

Если Лар после стресса с похищением начал выговаривать все буквы и повзрослел прямо на глазах, то с близнецами мне временами казалось, что они родились взрослыми. Покачив головой, когда Элегард заговорщицки мне подмигнул, я закрыла за ними дверь и пошла собираться.

Квартира с совершенно умопомрачительным видом на океан у нас была просторная: первый этаж — холл, гостиная и обеденный зал, отделенные символическими перегородками, второй этаж — четыре спальни (три наши и одна гостевая) и мой кабинет. Когда я выбирала эту квартиру, вид, конечно же, был решающим. Но немаловажным было и удобство расположения: неподалеку ото всех транспортных артерий Зингсприда, по которым можно было быстро попасть куда угодно, не собрав при этом все пробки. Дизайн — простой, лаконичный, и в то же время уютный, преимущественно в кремовых тонах со вставками черного, а в спальнях детей — мягкая цветная пастель.

Постояв у панорамных окон, глядя на океан, я оделась и набрала водителя. Сегодня у меня выступление, билеты на которое были проданы за четыре месяца. Да, это повтор, но у меня ощущение, что этот балет будет идти еще лет десять, и будет собирать полные залы. Сколько бы лет ни прошло, он будет собирать полные залы.

А у меня в ближайшее время гастроли. Мои первые гастроли. Пока что в Мэйстон, потом по остальным городам Аронгары. Что будет, когда я окажусь в Рагрانه?

Тряхнула головой, отгоняя лишние мысли.

Массаж, разогрев, визаж, выступление — такой у меня план. Не стоит думать о том, что будет, возможно, через год или через десять лет. Или не будет вообще.

Глава 2

— Поздравляю! — букет, который вручил мне Элегард, едва ли можно было обхватить руками. Я и обхватила-то едва-едва, на мгновение, чтобы прикоснуться к мягкому шелку упаковки, многослойной, не считая того количества аррензий, которое было в ней запечатано.

Цветы, которые доставили в мою гримерную, по большей части остались там, я попросила забрать лишь несколько букетов. Первое время после выступлений моя квартира превращалась в цветник, но после успеха «Вспышки на солнце» мне потребовалась бы отдельная комната только для цветов, чтобы мы не ходили и не спотыкались о них всей семьей.

Семья.

Я видела, каким счастьем загораются глаза детей, когда приходит Элегард, как счастливо они смеются, когда летят вместе с ним в аквапарке с горки.

Детям нужен отец.

А мне... Я все эти годы считала, что мне никто не нужен. Законсервировав чувства к Вайдхэну, я надеялась рано или поздно от них избавиться. Скорее поздно, чем рано, потому что у меня была карьера. Балет, который казался мечтой, большая сцена, казавшаяся недостижимой — все это стало реальностью. Восхищенные взгляды, выросшая за полгода до двадцати миллионов подписчиков страница в соцсети, личные сообщения, которыми занималась целая команда, хейт и любовь.

Как же мало я знала о том, чего хочу. Нет, обратная сторона известности меня не пугала, но я даже не представляла, насколько обычным для меня станет собирать огромные залы, взлетать над сценой, как раньше было только в моих снах. Все это уже было у меня, сейчас даже казалось странным, что риам Этроу бегала по собеседованиям, в которых ей все отказывали, а однажды волей случая оказалась в Ровермарк.

Все это осталось в прошлом, а в настоящем у меня было все.

Кроме, пожалуй, самого главного.

— Спасибо, — поблагодарила я и от души обняла мужчину.

В букете что-то жалобно хрустнуло (надеюсь, что упаковка), и я отстранилась.

— Устала? — Он внимательно посмотрел на меня.

Я опустила глаза. Казалось бы, ноги должны болеть после того, что я с ними делаю, и я знала, что они, возможно, будут. Чуть позже. После выступления как обычно меня переполняла энергия. От нее вибрировала каждая клеточка моего тела, звенела, наполняясь и раскаляясь изнутри от дающей ей силы вдохновения. Я чувствовала себя так, словно горы могу свернуть.

— Шутишь? Могу хоть всю ночь танцевать.

— Это радует. — Элегард широко улыбнулся. — Танцы не обещаю, но интересный вечер — вполне.

— Интригуешь.

— Интрига — наше все.

Он пропустил меня вперед, забирая букет, потому что с моим ростом из-за цветов просто не было видно дороги. Несмотря на просторный широкий коридор Зингспридского балетного театра, который после реставрации мог посоперничать по красоте с Зингспридской оперой, я бы все равно не видела ничего, кроме потолка и стен. Или мне бы пришлось тащить цветы так, что они мешали бы мне идти.

— Чувствую себя приобщенным к тайному балетному обществу, — произнес он, наклоняясь к самому моему уху.

— В каком-то смысле так и есть, — фыркнула я.

Достать пропуск в закулисы даже для Элегарда Роа казалось невыполнимой задачей. В связи с обострившейся ситуации террористической организации «Истоки времен», ратующих

за то, что люди пришли в этот мир естественно, а иртханы искусственно, и править они вообще не должны, и вообще без них мир будет лучше, служба безопасности просто стояла на бровях. Не только в «Драконьей звезде» (так называли наш обновленный театр), но и во всей Аронгаре в принципе.

Председатель Совета, Рэйнар Халлоран, занял очень четкую и жесткую позицию по отношению к истоковцам и к безопасности мирного населения, поэтому с пропусками все было сложно. Тем не менее я справилась, и сейчас, по взгляду Элеграда, я понимала, что для него это было важно.

Важно, чтобы я пригласила его в свой мир.

Важно по-настоящему.

Но что по-настоящему важно для меня?

— Мне кажется, или ты сейчас не со мной?

«Тебе не кажется».

Это было бы очень грубо, особенно по отношению к мужчине, который меня спас. Особенно по отношению к тому, кто не просто спас моих детей, но и был им все это время отцом. В отличие от того, кто от них отказался, даже их не увидел.

— Прости. Я задумалась, — мы как раз вышли в залитый светом служебный холл, за дверями которого уже толпились журналисты. Вспышки камер, моих коллег ловили в объективы одного за другим, особенно моего партнера по главной партии, Герона Свайлдза. Он обожал внимание к себе, и я понадеялась, что пока мы дойдем до выхода, он перетянет весь интерес журналистов на себя, но зря. Стоило нам попрощаться с охранниками и пройти через детекторы, а после шагнуть в жаркую зингспридскую ночь, как на нас тут же обрушился новый шквал вспышек и вопросы.

— Элегард Роа встречает вас лично. Значит ли это, что отношения с отцом ваших детей вышли на новый уровень?!

— Что вы думаете про повторяющийся успех «Вспышки на солнце»?

— Ваши отношения с главным хореографом исключительно платонические?

— Как вы себя чувствуете, став главной мировой звездой балета?

Я привыкла к таким вопросам (хотя и не сразу), что касается Элегарда, он привык к этому еще раньше меня, поэтому сейчас мы быстро прошли мимо них и секьюрити к парковке, где нас дожидался флайс. Только оказавшись внутри, я вздохнула свободнее, а Элегард коротко глянул на меня:

— До меня долгое время доходило, что пятьдесят процентов людей хотят знать, с кем я сплю, а пятьдесят — как стать таким же успешным. Мой глубокий внутренний мир никого не интересует.

Я фыркнула. Собиралась было ответить, но в этот момент до меня донеслось:

— Эсса Этроу! Как вы думаете, как бы ваш успех прокомментировал Бенгарн Вайдхэн?

Водитель уже поднимал флайс, поэтому слова журналистки донеслись издали, как из глухой забитой трубы. Из самой глубины прошлого, но все же они царапнули по сознанию, как царапнули ее наманикюренные пальчики по дверце. Девушку уже отгаскивала охрана, а Роа вздернул бровь.

— Попасть к тебе было сложнее, чем в Вайовер Грэйс. Зато журналисты бегают где хотят.

Вайовер Грэйс — местный аналог Ровермарк, было видно даже отсюда. Точнее, будет видно, когда мы поднимемся, пока что флайс медленно, по правилам движения над парковками, набирал высоту, чтобы войти в воздушный рукав и ворваться в ленту аэромагистрали.

— Не удивился бы, если бы здесь запросто устроили теракт.

— Не шути так, — попросила я.

Истоковцы уже совершили несколько терактов под эгидой борьбы с иртханами. Один в торговом центре и четыре в жилых спальнях районах по всей Аронгаре. По их мнению это

показывало, что ирлханы не способны адекватно защитить людей, хотя кичатся своей властью, поэтому Халлоран и ввел драконовские меры. И честно, я готова была соблюдать все, вплоть до осмотра туфель в торговых центрах, только чтобы люди больше не пострадали.

— Ладно. Согласен. Шутка была неудачная, — Роа потер виски.

Отложил букет в сторону и подвинулся ближе ко мне. Его рука легла мне на плечи, и я судорожно вздохнула. Нет, он меня обнимал раньше, но как-то по-дружески. Более мягко, что ли, и... без таких вот эмоций. Они угадывались, чувствовались, пропитывали весь салон, разогревая кондиционированный воздух, и от них внутри что-то начинало тонко звенеть: «Опасность, Аврора, опасность».

— Ты так напряглась, как будто я тебя драконам скормить решил, — хмыкнул Элегард. Привычно-насмешливо, но в его голосе я отчетливо услышала досаду. Или мне просто так показалось? Показалось, потому что я считаю, что он давно уже больше чем друг. Просто я не подпускаю его к себе, потому что...

«Как вы думаете, как бы ваш успех прокомментировал Бенгарн Вайдхэн?»

Никак.

Он мое имя-то наверняка не помнит, не говоря уже о чем-то большем.

— Это было неожиданно.

— Разве? — Он улыбнулся уже совсем иначе. — Хочешь — можешь отдохнуть, пока мы летим.

Я заставила себя положить голову ему на плечо. Глядя на то, как с высоты раскрывается ракушка балетного театра (по форме он действительно напоминал ракушку, светящуюся изнутри), как она уменьшается, превращается в крохотный рогалик, а потом и вовсе в спиральку-огонек, я прикрыла глаза. Пытаясь понять, что же чувствую к этому мужчине, в объяснениях которого сейчас нахожусь.

Мне не было уютно? Было. Еще было тепло. Я знала, что всегда могу на него положиться, что у нас общие дети, пусть даже они не наши, то есть не его, но для всех это так. Для детей это так. А для него?

— Тебя не напрягает общаться с детьми? — Я подняла голову.

Элегард, до этого смотревший на ленту аэромагистральной, нахмурился.

— Иногда ты дикие вещи говоришь, Аврора. Сама-то как думаешь? Ради чего я бегаю к вам на ужины и на обеды, гуляю с ними? Просто общаюсь? Исключительно потому, что они меня напрягают?

Я покачала головой:

— Нет. Конечно нет.

— Тогда с чего такие вопросы? Раньше их не было.

Раньше ты меня так не обнимал. А еще раньше я не думала о том, что мы можем быть вместе. Я потянулась губами к его губам, и он мягко накрыл их своими.

Губы на моих ничем не напоминали те, другие. От которых перед глазами вспыхивали искры, а по телу бежало пламя. Пламя, погасить которое оказались не способны даже годы, я почувствовала его сейчас, словно оно действительно было во мне. Забытое, запечатанное под слоями металлического саркофага. Почувствовала — и разозлилась! Потому что никакого пламени сейчас во мне нет и быть не может, это первое, а второе — я сейчас рядом с мужчиной, который стал отцом моим детям. Рядом с мужчиной, который был со мной все это время, который стоял под дверями палаты, когда я рожала. От партнерских родов я отказалась, разумеется, это было бы слишком, но как только Роа и Риа впервые закричали на два голоса, ему разрешили войти.

Он спросил разрешения взять малышей на руки — у меня, и в этот момент я снова разревелась. Весь медперсонал думал, что от счастья, и умилился, и только мы с ним вдвоем знали, почему.

Даже сейчас при воспоминании об этом на глаза навернулись слезы, и я, вопреки всякой логике, углубила поцелуй.

У его губ был вкус сигарет, горьковато-резкий. Элегард продолжал курить все это время, никогда в нашем присутствии, разумеется, это было табу — но в целом он так и не бросил, и сейчас я коснулась этой дорогой горечи, и, кажется, даже вдохнула остаточные нотки дыма. Понимая, что никогда в жизни больше не почувствую этого «до искр в глазах», а еще — что, возможно, так будет лучше.

Никто же не говорил, что вместе и навсегда — это про вынос мозга, безбашенную страсть, от которой не можешь спать, есть и пить, и чувство, словно по венам бежит жидкий огонь, который вот-вот превратит тебя в пепел... или сделает единым целым с одним-единственным мужчиной.

На этой мысли я резко подалась назад и закусила губу.

— Это тоже было неожиданно? — Элегард улыбнулся.

— И приятно.

Я не лгала. Мне было приятно. Все так же, как и раньше — приятно, спокойно, уютно.

— Знаешь, на этом я понял, что мою самооценку еще, возможно, удастся спасти.

Теперь улыбнулась я.

— Вряд ли твоя самооценка зависит от меня, но я все-таки кое-что скажу. Мне действительно было приятно, и я действительно этого хотела. Просто для меня это большой шаг.

Он прищурился.

— То есть в следующий раз мы поцелуемся еще лет через пять?

Я фыркнула:

— Через четыре с половиной! Поверить не могу, что через неделю им исполняется четыре.

— Они ждут большого праздника. Риа так точно ждет.

— Роа тоже. Просто не признается.

Какое-то время мы молчали, глядя на расстилающуюся впереди полосу аэромагистрали, расчертившую город золотой лентой, потом я вздохнула:

— Надеюсь, им понравится то, что мы придумали.

— Шоу с голографическими водными драконами не может не понравиться, — Элегард хмыкнул. — Я вот не ребенок, но уже в восторге.

Я не стала говорить о своих опасениях — в частности, о тех, что когда Роа и Риа оказываются на побережье, на побережье случается аншлаг. Потому что водные подходят так близко, что у некоторых безопасников отелей даже глаз начинает дергаться, а у некоторых особо впечатлительных туристов — дрожать руки. Это видно потом по записям живой ленты, поэтому мы очень редко бываем на побережье.

К счастью, каждый раз с нами рядом оказывается какой-нибудь непростой ир்தхан: например, постановщик с мировым именем Джерман Гроу (Гранхарсен) с сыном. Правящий Зингсприда Вэйлар Рингисхарр с женой и детьми, или еще кто-то. Это дает мне надежду на то, что дело не в моих детях, потому что в них же не может быть дело, верно? В них нет пламени, и драконы к ним выходить не могут, они могут выходить только к тем, в ком чувствуют силу.

Моих детей не волнует сила пламени, они в восторге от того, что творится на побережье и главное — от водных драконов. Поэтому голографическое шоу в закрытой секции аквапарка для нас и наших гостей — именно про этих самых водных драконов. Я правда надеюсь, что оно им понравится, и я правда надеюсь, что все так и останется. Никакого пламени.

Ни во мне. Ни в моих детях. Больше никогда.

— Куда мы все-таки летим? — спрашиваю, чтобы отвлечься от этих мыслей и переключиться.

— Не терпится? — спрашивает Элегард. — Хочешь испортить себе сюрприз?

— Я просто хочу знать, к чему готовиться. Может, я в принципе не одета для твоего сюрприза.

Он смеется.

— Я бы тебя предупредил. Можешь мне поверить, ты более чем одета. Разве что туфли придется сменить, но я их захватил.

Приподнимаю брови: на мне сейчас элегантное темно-синее платье, приталенное, с открытой спиной, длиной до середины бедер. И мягкие, разношенные балетки — ни во что другое после выступлений я в принципе не влезаю. Поэтому сейчас и спрашиваю:

— Ты издеваешься, да?

— Все по желанию. Обувь не главное, Рори, и ты это прекрасно знаешь.

— Вот уж позволь мне самой решать. Так куда мы едем и кто там будет?

— Весь свет Зингсприда тебя устроит? И еще Сибрилла Ритхарсон. Это такая тусовка для местного шоубиза с легкой фервернской прохладцей. Пришла пора тебе познакомиться со всеми поближе.

Я качаю головой.

— Мы знакомы. Заочно. Со многими даже лично.

— Но на тусовки тебя пока еще не звали. Я решил, что пришло время это исправить.

— Мы подумали, и я решил? — снова фыркаю.

— А ты против?

Хочу сказать, что тусовки не мой формат, и что вообще-то меня пару раз звали, но не успеваю. Потому что мой смартфон взрывается в сумочке популярной мелодией. Песня Халимы Истахаард, лархаррской певицы, на первых местах в чартах уже второй месяц, и я стала одной из тех, кто слушал ее по десять раз на дню.

Вытаскиваю смартфон: звонит няня. Элегард удивленно смотрит на меня, я же нажимаю «принять вызов». И в мой мир врывается отчаянный крик:

— Аврора! Аврора, пожалуйста, срочно приезжай. У Роа очень высокая температура. Очень! Он потерял сознание.

Глава 3

Пока мы долетели, к тому, чтобы потерять сознание, была близка я. Учитывая, что мой сын с детства не поймал ни одной болячки! Ни одной простуды! Лар умудрялся подхватить соплю постоянно — то под кондиционерами, то перекупается, то перегреется, а эти два драконенка, Роа и Риа, могли часами сидеть в воде, и им ничего не было. Не только в воде, жара, кондиционеры — без разницы. Как же я этому радовалась! Ну вот и дорадовалась.

В комнату к сыну влетела почти ураганом и, когда увидела, что у него открыты глаза, облегченно выдохнула. Ненадолго, правда: лобик под моей ладонью был не просто горячим, а раскаленным.

— Очень высокая температура, — на мой взгляд отозвался наш семейный врач.

Он успел раньше нас с Элегардом, и сейчас на сгибе локтя моего сына было наклеено несколько жаропонижающих пластинок.

— Это нормально?

— Нормально? Нет, риам Этроу, это не нормально. Температура не опускается. У Риа она чуть ниже, но...

Я судорожно вздохнула и перевела взгляд на сына. Он никогда не плакал, но сейчас красные пятна на его лице и глаза, расширенные, с большими зрачками, говорили о том, как ему нехорошо. Насколько ему нехорошо...

— Я поговорю с Дэйном, Аврора, — сказал Элегард, кивая врачу на дверь, — и мы заглянем к Риа. Сейчас с ней Эла.

Я ничего не ответила, только благодарно взглянула на Элегарда. Хотя мое сердце рвалось на части — мне хотелось быть и с дочерью, и с Роа одновременно, у них были разные спальни. Мы решили, что так будет лучше, и как только они чуть подросли, разделили близнецов, во-первых, потому что мальчик и девочка, а во-вторых, чтобы Лар тоже стал одним из них, потому что, живя в одной комнате, они просто не отлипали друг от друга и старшего брата почти не замечали.

Зная, что Роа терпеть не может всякие нежности, я осторожно опустила на край его кровати:

— Как ты?

— Жарко, — сказал мой сын. — А так хорошо.

В этом был весь Роа: ни за что не признается, что ему плохо.

— А я полностью здоров, — сообщил Лар.

Он сидел на постели с выданным по такому случаю «запретным» на вечернее время, не говоря уже про ночь, гаджетом, и я облегченно вздохнула. Улыбнулась:

— Я этому рада, драконенок.

— Мам! Не называй меня так. Я уже большой.

Роа фыркнул, улыбка тут же сбежала с его лица, а я не выдержала, взяла его крохотную ладошку в свою.

— Все будет хорошо. Вот увидишь.

Он закрыл глаза. И это было так на него не похоже... Я снова коснулась ладонью лба, и мне показалось, что он стал еще более горячим.

— Сходи лучше к Риа, мам, — попросил сын, не открывая глаз. И я, чувствуя, как у меня сжалось сердце, поднялась.

— Обязательно. Но я скоро вернусь.

Я пропустила в комнату к сыновьям доктора, прежде чем шагнула в коридор, но Элегард перехватил меня раньше, чем я успела открыть дверь в спальню дочери.

— Аврора. Их нужно срочно в больницу.

— Что?

— Дэйн сделал анализы сразу как приехал. У близнецов все симптомы огненной лихорадки.

— Что такое огненная лихорадка?! — переспросила я.

— Болезнь, поражающая драконов и иртханов. Когда пламя замыкается внутри, не имея возможности вырваться, и сжигает дракона... — Элегард осекся, но мне достаточно было того, что он сказал.

— Против нее же есть лекарство? — спросила я. Уверенная в том, что иначе и быть не может.

— Нет, Аврора. Его нет.

Мне показалось, что пол и потолок поменялись местами. На самом деле все осталось где было, это я пошатнулась, но оттолкнула попытавшегося помочь мне Элегарда.

— Что? Ты что такое говоришь?

— Аврора...

— Хватит. Не хочу это слушать. Дэйн! — Я рванулась в комнату к сыновьям, но Элегард перехватил меня и прижал к груди.

— Аврора. Аврора, послушай меня. — Он говорил тихо, но голос его дрожал: — Мне очень жаль, что так получилось. Очень. Огненная лихорадка — это то, против чего бессильны иртханы и драконы. Мы отвезем их в больницу, и, возможно, врачи смогут сделать так, чтобы...

— Замолчи, — я с силой оттолкнула его. — Заткнись, Элегард. Ты хоть понимаешь, что ты сейчас говоришь? Смириться с тем, что мои дети обречены?

Он посмотрел на меня так, что мне захотелось его ударить. Впервые в жизни за все это время — изо всех сил. Влепить пощечину от души, чтобы не смотрел так, словно уже сочувствовал. Потому что он сам уже смирился!

— В них черное пламя, — выплюнула ему в лицо. — С ними все может быть иначе!

— Да. Может. С той лишь разницей, что черное пламя быстрее сожжет, чем обычное.

Я ушам своим не верила. А впрочем... зачем мне чему-то верить?! Почему я трачу время на него, зачем стою тут с ним, когда должна быть со своими детьми!

— Не вижу смысла везти их в больницу, — зарычала я. — Если все так, как ты говоришь. Зачем? Чтобы их затыкали иголками и оклеили всеми пластинами? Чтобы они все это знали и слышали?

— Аврора, ты утрируешь. Никто не будет им говорить, что...

— Да мне плевать!

Мне нужно было пару минут, чтобы побыть одной. Чтобы не влетать к детям в таком состоянии. Голова кружилась, мысли сходились и расходились, мир рассыпался плавящимся осколками так же, как и мое сердце. Я поняла, что мне не хватает воздуха лишь когда рванула на себя единственную открывающуюся раму окна — в дальнем конце коридора. Глотнула горячего, еще более тяжелого воздуха, закашлялась.

Это не может быть правдой.

Не может... нет.

— Аврора, возьмите себя в руки, пожалуйста, — это был уже Дэйн. Он нашел меня там, где я стояла, как статуя, коснулся ладонью плеча.

Его лицо — волевое, резкое, седые виски, два белых пятна в темных волосах, нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза — все это сейчас расплывалось перед глазами. Не от слез. От жара. Я будто плавилась, плавилась и не могла дышать, потому что каждый вздох превращался в непосильную работу.

— Он сказал правду? Сколько им осталось?

Этого врача тоже нашел Элегард. Обследовались мы всегда в его частной клинике, он был в курсе нашей маленькой тайны. Не о том, кто их настоящий отец, разумеется, лишь о том, что они ир்தханята. Наполовину...

— Правду. Я не знаю. Слабое пламя выжигает от четырех суток до недели. Такое сильное, как у ваших детей...

Я вздрогнула, как от пощечины.

— Что?

— Что? — переспросил Дэйн.

— Откуда вы знаете, какое у моих детей пламя?

— Это видно по анализам, Аврора. Оно очень сильное. Я понимаю, что...

— Нет. Вы ничего не понимаете, — я сбросила его руку.

— Аврора. Я уже вызвал флайсы, за нами летят. Все, что вы сейчас можете сделать — это быть со своими детьми до конца. Мне очень жаль.

Я все-таки сделала то, чего избежал Элегард. От пощечины загорелась ладонь, а вместе с ней, следом за ней — вспыхнула я.

— Кто вы такой, чтобы забирать моих детей туда, откуда они не вернутся? Проваливайте! Видеть вас не могу! Пошел вон! Вон!

Я понимала, что скатываюсь в истерику, но ничего не могла поделать. Голова кружилась все сильнее, в ушах звенело.

— Сожалею, но огненная лихорадка — не то, что можно оставить дома. Особенно с матерью, у которой нет пламени. Я имею право забрать ваших детей по закону, и будет лучше, если вы сейчас успокоитесь. В противном случае мне придется дать вам седативное...

Я оттолкнула его и лазерным лучом метнулась в сторону лестницы. Туда, где была моя сумочка. Наверное, я сходила с ума, потому что одна Аврора внутри меня пребывала в ступоре, другая кричала в ужасе, третья... третья вытащила смартфон и набрала наблов номер, который до сих пор помнила наизусть.

Сошла с ума.

Да, я определенно сошла с ума.

Потому что этот номер должен был быть у меня под запретом даже тогда, когда рушится мир... но сейчас не мир рушился. Сейчас мои дети сгорали в его набловом пламени, пламени, которого в них быть не должно!

Я правда сошла с ума. Потому что он не ответит.

Он не ответит, и все будет кончено.

Рука сдавила смартфон так, что края, показавшиеся расплавленными лезвиями, врезались мне в ладонь.

— Аврора! Ты что делаешь? — раздался крик Элегарда. Он бежал ко мне по лестнице. — Кому ты звонишь?! Аврора! Отдай телефон. Немедленно...

Его последние слова утонули в громком, как взрыв — мой персональный взрыв — щелчке. В трубке звенела тишина, но я чувствовала его на том конце. Я его слышала так, как если бы он на меня кричал, и я сказала то, что хотела бы не говорить никогда. Никогда. Никогда.

— Бен, твои дети умирают. Нам нужна помощь.

Я уже почти забыла о том, как все быстро происходит, когда общаешься с правящим. При всем при том, что мне никто ничего не ответил — смартфон просто щелкнул, будто нас разьединили. Я сначала подумала, что он не поверил. Попыталась набрать снова, попутно отбиваясь от Элегарда, который говорил, что я совершаю самую большую ошибку в мире, а потом готовясь драться за своих детей — потому что Бен во второй раз не ответил, а за Риа и Роа приехала спецбригада.

Ну или как назвать медиков, которых пригласил Дэйн? Няня в немом ужасе наблюдала за тем, как я встала в дверях, готовая реально с ними подраться, но драться ни с кем не пришлось. Спецбригада просто оказалась оттеснена в одно мгновение, будто их сжало в один маленький комок в углу нашей квартиры — перед тем, как в нее вошли сначала вальцгарды, а потом Бен. На меня он вообще не смотрел, словно я была пустым местом, а когда заговорил, обращался преимущественно к няне:

— Где они?

Женщина, бледнея, зеленея и краснея, проводила его наверх, и я, когда первое оцепенение прошло, бросилась за ним.

В своих мыслях, как бы я ни пыталась себе лгать, я тысячу раз представляла эту встречу. Не знаю, чего во мне было больше — ожиданий, страхов, отчаяния... наверное, всего. Я принимала этот смузи внутривенно каждый раз, когда думала, что произойдет, если Бен узнает о детях. Какой будет их встреча. И вот сейчас он смотрел на Роа, которому уже не помогали жаропонижающие пластинки, и в его взгляде была пустота. Такая пустота, по сравнению с которой любая даже самая страшная бездна покажется ерундовой ямкой.

Не знаю, почему это было так больно. Наверное, потому что я ждала другого... а чего я ждала? От того, кому не нужны были от меня дети? От того, кто хотел предложить мне сделать аборт, если бы узнал, что я беременна? Он же, кстати, после нашего расставания подписал указ, разрешающий аборт в Рагроне.

— Ты сможешь им помочь? Это...

Бен развернулся ко мне, и я подавилась продолжением фразы. Так, как сейчас, он на меня никогда не смотрел. Сказать, что его взгляд был страшным — значит, ничего не сказать, меня ударило его холодной яростью, как металлическим заостренным стержнем в самое сердце. Потом его взгляд скользнул на мое плечо, за меня, и стал еще более страшным.

Я обернулась и увидела няню, которая принесла Риа. Дочь положила голову ей на плечо, покрасневшая от жара, на сгибе локтя белели новые пластинки. Она выглядела хрупкой половинной куколкой. Но она всегда была такой куколкой, ребенком, над которым тряслись все — начиная от Лара и Роа, меня, Элегарда, и заканчивая нянями и всеми, кто с ней знакомился. При мысли о том, что я могу ее потерять, сердце болезненно сжалось, и стержень Вайдхэна я почувствовала особенно остро.

— Забирайте детей. Мы уходим, — коротко произнес он.

— Огненная лихорадка... — завел было свою песню Дэйн, но одного взгляда Вайдхэна хватило, чтобы врач заткнулся.

А потом стержень провернули в моем сердце еще раз, когда Вайдхэн взял Риа на руки. Так осторожно, словно боялся сломать.

Лар сидел с большими глазами. В том, что он узнал Бена, не было никаких сомнений, что же касается Роа, тот приподнялся, глядя на Вайдхэна широко раскрытыми глазами — как его маленькая копия, его отражение.

— Вы кто такой? — спросил грозно. — И куда вы нас забираете?

Вайдхэн не ответил, потому что сына взял на руки один их вальцгардов. Они вышли из комнаты, и я, бросив на ходу няне:

— Собери Лара, — вылетела за ним.

— Куда вы их забираете? Бен!

Роа попытался вырваться, но вальцгард держал крепко. Тем более что жар делал свое дело, и сын слабел с каждой минутой. На мой вопрос Вайдхэн даже не обернулся, и мне приходилось бежать, чтобы подстраиваться под него и под его шаг. Нас посадили во флайс: меня, Риа, Роа, рядом с нами сел Бен. Обернувшись, я увидела, как на парковку выбегает няня, за которой едва успевает Лар, но флайс уже взмыл в воздух.

Я едва успела облегченно вздохнуть, увидев, что их сажают в другой, который будет подниматься следом за нами, вместе с сопровождающими, когда Роа дернул меня за рукав:

— Мам. Кто он?

Риа просто молча жалась ко мне, я ощущала ее горячую кожу, как будто это внутри меня разгоралась наблота огненная лихорадка.

— Тот, кто может нам помочь.

Бен на нас не смотрел. Смотрел поверх наших голов, сквозь заднее стекло, на уменьшающийся в высоте Зингсприд. Он никак не отреагировал на мои слова, его лицо оставалось каменным даже когда Роа снова спросил:

— Он доктор?

— Да, Роа. Он врач. — Это даже не было ложью. — Очень хороший.

— А правда, что мы умрем? — мой сын спросил это так, что я дернулась.

— Роа... что за...

— Я слышал, что говорил Дэйн. Огненная лихорадка — смертельная. Я читал.

Где?! Где и когда он это читал?!

— И еще я читал, что она бывает только у иртханов. Мама, я же не могу быть иртханом?

Я прикрыла глаза.

— Роа, — голос Бена прозвучал как взрыв, от которого все внутри меня разлетелось осколками. От того, что он назвал сына по имени. От того, что все это было настолько неправильно, насколько это возможно. — Я обещаю, что мы во всем разберемся. Еще я обещаю, что ты не умрешь. С тобой и с твоей сестрой все будет хорошо. Ты мне веришь?

Роа моргнул.

— Да.

— Бен, — не выдержала я. — Куда ты нас везешь?

Я согласна была выдержать еще десять таких взглядов и сотню металлических стержней в своем сердце, лишь бы получить хотя бы малейшую определенность. Лишь бы знать, что вот это вот обещание — не пустые слова для успокоения маленького ребенка. Что он правда может сделать. Он же может? Правда?

— В Рагран? — спросила я, когда молчание слишком уж затянулось.

Честно, я уже даже не ждала ответа, потому что он перевел взгляд с сына на то, что было над спинкой наших сидений, и так и застыл. Поэтому вздрогнула от неожиданности, когда услышала:

— В Ферверн.

Глава 4

Черное пламя Раграна

«Бен, твои дети умирают. Нам нужна помощь».

Сначала ему показалось, что это шутка. Глупая шутка, насмешка, издевка — да что угодно, потому что не может это быть правдой. Просто не может.

Но еще более невероятным было то, что это насмешка. Аврора, которая на протяжении всех этих лет не выходила у него из головы, точно не стала бы так издеваться. Начать с того, что она просто не стала бы ему звонить. Как не звонила все эти годы. Ее номера не было в его смартфоне. Только в памяти.

Он там отпечатался, будто цифры выжгли раскаленным клеймом. Кто бы мог подумать, что он, тот, кто выбрасывал всю ненужную информацию из головы в секунды, будет помнить номер женщины, с которой давно все кончено.

Отпускать ее было сложно. Поначалу даже казалось, что не получится — этот предлог, Лаура Хэдфенгер, до которой сейчас ему по сути не было никакого дела, мог обмануть кого угодно, но только не его самого. Лаура Хэдфенгер осталась в прошлом, Аврора Этроу — нет. Но он должен был ее отпустить, потому что семьи у них не получится. Не получится того, что нужно ему... и ей. А у него не получится смириться с тем, что есть только Лар. Не его сын, который забирается к нему на руки, или не его дочь. У них с Авророй никогда не будет общих детей.

И это было больно.

Потому что он хотел своих. Он хотел стать отцом и, видимо, любил ее недостаточно сильно, раз выбрал гипотетических детей, предпочел их женщине, с которой хотел провести каждый день своей жизни. Тем не менее это был его выбор, и он его принял. Точно так же, как принял выбор Авроры — через месяц после их расставания, сразу после переезда в Аронгару она сошлась с набловым Элегардом.

Да, химия между ними определенно была, и даже сама эта мысль заставляла скрежетать зубами. Потому что Аврора все отрицала. Говорила, что нужен ей только он. А потом... потом он узнал про ее беременность, и этот миг — миг, когда информация легла к нему на стол, то ли растянулся во времени, то ли сжался в одно мгновение. Потому что именно тогда он утратил весь свой долгоиграющий мифический контроль, готовый прямо сейчас лететь в Аронгару, выдрать из нее признание о том, что она лгала, а гонщику свернуть шею. Он представил это так ярко, в плавающей перед глазами пламенно-черной дымке, что ему стало страшно.

Беременность. Не от него.

От этого...

С каким-то извращенным наслаждением он еще продолжал отслеживать ее жизнь. Как они вместе ходят на УЗИ, как начинает раскручиваться ее школа, как растут ее дети... внутри нее. Закончилось все в тот самый момент, когда он увидел снимки — Аврора заходит в больницу в сопровождении Элегарда, осторожно, с большим животом. А выходят они спустя несколько дней с двумя свертками.

Мальчик и девочка.

Близнецы.

В тот момент, когда он об этом узнал, внутри что-то умерло. Видимо, подарив две новые жизни от другого мужчины, Аврора забрала часть него. Он снял всю слежку, отказался от любой информации, которая могла напомнить о ней. Никаких поисков даже в сети. Нигде.

Вместе с частью него умерло то, что отвечало за любовь к этой женщине.

Любовь. Поразительно, но ему потребовалось столько времени, потребовалось, чтобы ее не стало, чтобы это понять.

Женщины. Их было много. Их было настолько много, что пресса, особенно скандальная, строчила свои статейки одну за другой, но ему было плевать. Ему было плевать на все, на Мировое сообщество в том числе. К счастью, Халлоран от него отвязался, от него отвязались все. Все оставили его в покое, а пресса... он никогда не стремился быть образцом семейных ценностей.

Парадокс, потому что с семейных ценностей все началось. Он расстался с Авророй, потому что хотел семью, но стал еще дальше от нее. Насколько, насколько это возможно. Инд Хамир оставил свои попытки сделать дочь первой риам Раграна и сделал ее женой одного из своих советников, что касается скандальной репутации, она продолжалась. Продолжалась до тех пор, пока однажды он не понял, что именно этого хотел бы Эстфардхар.

Тот, кто подставил его отца, был близок к своей второй победе, как никогда.

Выходить из этого было трудно, еще труднее было вернуть то, что казалось безвозвратно утраченным. Желание создать нормальную здоровую семью.

Он дал себе время, чтобы восстановить позиции, провел несколько реформ и улучшений, вошел в очередную предвыборную гонку — с головой уходя в работу, в политику и во все то, чем стоило бы заниматься сразу после ухода Авроры. Победил.

С Дейан он познакомился на пресс-конференции. Журналистка-иртханесса еще с десяти лет назад тоже была бы парадоксом, но не в наши дни. Она пошла вопреки воле отца и матери, уехала из Аронгары. За ужином, на который он ее пригласил, они обсуждали экономический рост (Дейан писала про экономику) и выход Раграна на мировую арену в качестве третьего солидного игрока наравне с Ферверном и Аронгарой.

С ней было спокойно. Легко. А еще у нее было сильное истинное пламя — она родилась в семье первой. Первенец-женщина, с которой вполне можно создать семью даже такому, как он. Она выдерживала его пламя легко, и навредить ей он не мог. Никаких странностей. Никаких узоров. Никаких сомнений.

Он собирался сделать ей предложение со дня на день. Кольцо уже лежало в его кабинете, в сейфе. Все газеты писали о том, что наконец-то скоро увидят предложение, достойное Черного пламени Раграна.

Об Авроре в такие моменты он старался не вспоминать. Ее карьера стремительно пошла в гору после успеха балета «Вспышка на солнце», и теперь не замечать и не вспоминать было гораздо сложнее. К счастью или нет, но Аврора редко показывала детей, а если показывала, то их или закрывал Элегард, или она сама. Папарацци буквально гоняли от этих детей, снимки оказывались либо размытыми, либо затертыми. Из тех, что попадали к нему случайно, в новостной ленте.

Он отмечал это сквозь мертвую пустоту внутри, но только когда она позвонила, паззл сложился окончательно.

«Бен, твои дети умирают. Нам нужна помощь».

В этот момент он понял, каким образом Аврора и Элегард «так удачно выбирают ракурсы», и как им удастся отбиваться от папарацци, и почему к берегам Зингсприда в присутствии этой малышни выходят драконы. А заодно и то, почему его все резко оставили в покое.

Халлорану он звонил уже подлетая к телепортационному комплексу Мериужа, и тот даже не стал отпираться. Видимо, понял, что бесполезно.

Он не стал разбираться, в чем дело в тот момент, он просто спросил:

— Что с ними?

И Халлоран ответил:

— Огненная лихорадка.

Эти два слова были приговором. Всегда. Приговором они и остались, по сей день. Заболевание, вызывающее спонтанное замыкание пламени внутри — пламени, сжигающего ир-хана дотла, убивающего его, было неизлечимо. В тот момент, когда он услышал это, он сказал первое, что пришло в голову:

— Если они не выживут, я тебя уничтожу.

Фактически, это было объявление войны Председателю Совета Аронгары и Мировому сообществу, но ему было плевать. Его дети — двое детей, которые могли бы быть рядом с ним четыре года, четыре года были в другой стране. Они называли папой какого-то другого мужика, которого Халлоран приставил к Авроре. Не получилось провернуть трюк с ребенком Ландерстерга, но получилось с его детьми?! Надо было догадаться сразу. Надо было сразу понять — еще тогда, когда Халлоран предлагал Лауре «умереть», чтобы сохранить ее и ребенка втайне от Ландерстерга.

Вот уж действительно ирония, но он никогда не думал, не подозревал, не догадывался, что это может случиться с ним. Хотя должен был проверить, должен был проверить все от и до... Но УЗИ ничего не показывало! Как такое возможно? Он терялся в мыслях, догадках и собственных чувствах, которых было много. Слишком много, и хотя он привык обрабатывать бесконечные потоки информации в единицу времени, с этим справиться не получалось.

У него есть дети.

И они умирают. Даже если предположить, что черное пламя даст им больше трех-четырех дней, это... это было за гранью его понимания, и это выжигало его изнутри так же, как огненная лихорадка — его сына и дочь. Единственные, кто мог ему помочь — глубокоководные фервернские, те, кто вытащили его с того света. Если не смогут они, не сможет уже никто.

Поэтому следующий, кому он позвонил, был Ландерстерг. Коротко обрисовал ситуацию, а в ответ услышал:

— Мы откроем вам телепорт по звонку, сразу как будете на месте.

Вся его жизнь раскрошилась после звонка Авроры, разлетелась осколками, как льдины Ферверна, а она сидит, смотрит на него и пытается общаться. После того, как пошла на сговор с Халлораном. После того, как согласилась играть этот спектакль, лишь бы держать его детей подальше от него.

Четыре года.

Четыре невероятно долгих года у него были дети.

А эта... женщина сейчас смотрит на него как ни в чем не бывало!

Велико было искушение оставить ее там, в ее прекрасной квартире, где она наслаждалась своей ложью и жила с его детьми, которых украла. Но потом он заглянул в глаза своим сыну и дочери и понял, что так не получится. Не сейчас. Им нужна мать, пусть даже они еще не знают о том, что она сотворила, и о том, кто эта женщина и на что она способна. Они жались к ней, особенно девочка. Мальчик еще держался, старался сидеть ровно, хотя ему было хуже.

Он это чувствовал. Чувствовал его состояние как свое и с трудом сдерживался, чтобы не взять на руки, не потянуть это наблово пламя на себя... но подобные действия во время огненной лихорадки могли только навредить или ускорить процесс, поэтому все, что ему оставалось — сидеть и не смотреть на них.

Девочка, мальчик...

Дочь и сын!

Эта мысль по-прежнему не укладывалась в голову, а еще не укладывалось, что если бы Аврора не увезла их, они были бы в порядке. Не было бы ничего этого. Она во всем виновата, она и только она. Надо отдать им должное, провернули все грамотно. И отца подсунули, и свидетельства о рождении раньше срока. Нет, они родились именно тогда, когда должны были.

Потому что они его. Они настолько его, что даже страшно представить, и страшно представить, что произойдет, если глубокоководные фервернские не придут. Как не приходили ни

к нему, ни к Ландерстергу, ни к его жене, ни их детям. Ни к кому. Они больше ни разу не появлялись.

Ни разу.

— В Ферверн? — переспрашивает Аврора. — К... глубоководным драконам, да?

В ее словах и глазах столько надежды и столько отчаянья разом, что ему хочется не то сжать руки на ее шее, не то притянуть к себе и пообещать, что все будет хорошо. Потому что она их действительно любит. Она безумно любит его детей, но она же их и убила. Почти.

— Да, — выдыхает он, стараясь унять клокочущую внутри черную ярость.

Она поселилась на месте той пустоты и теперь с каждым мгновением ее становится все больше, больше и больше.

Аврора словно чувствует, потому что на сей раз отшатывается и больше ничего не спрашивает, только берет дочь на руки.

— Мы правда увидим драконов? Глубоководных фервернских драконов, мам? — спрашивает его сын.

— Да. Правда увидим.

Снова ложь. Только теперь она лжет не ему, а его сыну. Она ничего не знает наверняка, и ненависть становится невыносимой, он словно дышит ей, как когда-то дышал любовью.

К счастью, по расчищенной верхней аэромагистрале они добираются очень быстро. Для них уже готово окно перехода, готова и встреча на той стороне, и теплая одежда для детей. Сейчас лето в самом разгаре, но фервернские пустоши никогда не могли похвалиться температурой выше плюс десяти.

Ландерстерг лично встречает их, и у Авроры от изумления расширяются глаза.

— Летим, — просто коротко кивает правитель всея Ферверна, и они в сопровождении валыцгардов и мергхандаров проходят на выделенную парковку.

Даже путь в два с половиной часа от Раграна до квартиры Авроры в Зингсприде не казался ему таким долгим, как эти скоростные полчаса. Когда, наконец, они опускаются у кромки воды, он подхватывает сына и дочь на руки и выходит из машины. Шагает к облизывающим холодный берег еще более холодным волнам.

Берег, где он обрел свою вторую жизнь. Он даже толком не знает, что делать, просто опускается с детьми на колени, как стоял когда-то, после выстрела Кроунгарда. Смотрит на темную, бесконечно спокойную глубину, и кричит. Если можно кричать беззвучно, но этот крик бьется внутри него, как хлещущее сейчас на пределе пламя.

Рывками.

Накатывающей волнами мощью.

«Если вы меня слышите»!

«Пожалуйста»!

«Спасите моих детей»!

Аврора Этроу

Если все происходящее страшный сон, то я бы хотела как можно скорее проснуться. Вот только проснуться мне не грозило: холод фервернской пустоши кусал за ноги, как разрезвившийся виар. Здесь оказалось даже холоднее, чем в городе: когда мы вышли на парковку из здания телепорта, было свежо, но не более. Здесь же от холода океана, от его темных глубин веяло льдами, и этот мороз забирался ко мне под кожу, тянул свои щупальца в самое сердце.

Роа и Риа одели очень тепло, но я все равно не могла отвести от них взгляда. От них, пылающих от температуры, у самой кромки этих холодных волн. Все происходящее казалось нереальным: и Торнгер Ландерстерг, стоявший справа от меня, и Бен, стоявший чуть ли не в воде на коленях, и мои дети. Роа, опомнившись, слабо дернулся в его руках:

— Мам! Мам, что мы делаем?

Как только флайс опустился, я вылетела следом за Вайдхэном, но ферн Ландерстерг, в какое-то мгновение ока оказавшийся рядом, меня удержал. Теперь у меня перед глазами плыла эта картина — океан, дети и Вайдхэн. Дети, Вайдхэн, океан.

— Все хрш... — Голос меня не слушался, поэтому получилось хрипло, и я тут же добавила: — Все хорошо.

На мне была какая-то куртка, которую мне выдали сразу по прибытии, но она не спасала от холода. Я смотрела вперед, сжимая и разжимая кулаки.

— Аврора, он зовет их, — негромко произнес Ландерстерг. — Расслабьтесь.

— А вы бы расслабились, если бы ваши дети умирали?

Он посмотрел на меня как-то странно:

— Нет.

— Тогда не просите меня сделать то, на что я физически не способна.

Поразительно, как самое главное сметает все наносное. Сейчас стоя рядом с правящим мировой державой, я ощущала себя на равных с ним и не боялась говорить все, что думаю. Да, я могла ему сказать все, абсолютно все, что сейчас чувствую, и у меня не было никаких сомнений на этот счет. Больше того, мне все это казалось неважным. Звания, ранги, статусы... смешно. Нет никаких званий, рангов и статусов.

Есть просто мы. Есть я. Есть Бен. Есть наши дети. Этот мужчина — и он тоже отец.

— И они придут?

— Мы очень на это надеемся.

Ландерстерг был выше меня, как и Бен. Кажется, даже еще выше, его волосы напоминали стальные нити, но это была не седина, а, скорее, припорошенная снегом платина. Еще поражали глаза — ярко-синие, как холодное небо, и такие же ледяные.

«Мы очень на это надеемся».

А если нет? Тогда что?

Я сдавила виски пальцами, а по ощущениям — надавила на металлические диски, под которыми крутилась одна-единственная мысль: я должна спасти своих детей.

Я. Должна. Спасти. Их.

Время превратилось в тягучий камартовый флар[1], два года простоявший в открытой бутылке под солнцем и превратившийся в бесконечную липкую массу. Его ход отсчитывали удары моего сердца, а не часы. Просто что-то тонко билось внутри — удар. Секунда. Удар — вторая. Удар — третья.

Я чувствовала, как сердце замедляется и ускоряется. Чувствовала, как оно то грохочет так, что перекрывает любой звук извне, до затихает настолько, словно его во мне нет, и тогда остается только шелест волн. И, пожалуй, еще клубящаяся, яростная сила Бена, которую я почувствовала сразу же, как он опустился с детьми на колени. Эта сила вломила в меня, вповров изнутри ворохом воспоминаний — картинками, чувствами, образами, закипятила кровь, а после вновь вытянула из нее все тепло.

Я не представляла, что чувствуют остальные — тот же Ландерстерг, например, или остальные военные... я в жизни не видела столько вальцгардов и мергхандаров в одном месте! Такое ощущение, что здесь собралось маленькое войско, и я понимала почему: глубоководные фервернские. Это кордон между ними и городом на всякий случай.

Потому что никто не знает, на что они способны. И как в них отзовется зов Бена, если они придут.

Но они не приходили. Я чувствовала, как вместе с волнами накатывает и отступает надежда — вода оставалась естественно-подвижна, безо всякого бурления. Без бурунов. Без всплесков, характерных, когда воду испарывает дракон.

— Я пойду к ним, — сказала я, и Ландерстерг не стал меня останавливать.

Как отец он наверняка понимал, что каждую секунду я теряю время, которое могла бы провести со своими детьми.

— Почему они не приходят? — тихо спросила я, опускаясь рядом с Вайдхэном и детьми.

Перехватывая дочь, протягивающую ко мне ручки и поддерживая сына, который вывернулся и встал рядом. Хотя еле держался на ногах.

— Не знаю, — впервые за все это время в голосе Вайдхэна не было убийственных интонаций, и он не смотрел на меня, как на пустое место. Хотя будем честны, он вообще на меня не смотрел, только на свинец безмолвной воды. — Я не знаю.

— Мам, мы не увидим драконов? — спросил Роа. — Никогда не увидим, да?

От этого «никогда» все внутри сжалось, а потом...

— Попроси их уйти.

— Что? — Вайдхэн посмотрел на меня.

— Их всех, — я мотнула головой на стоявших за спиной Ландерстерга, вальцгардов, мергхандаров. — Пусть уйдут. Пусть оставят нас одних.

Бен коротко на меня глянул, коротко, тяжело, будто хотел возразить, но... ничего не сказал. Поднялся и пошел к ним, а я притянула Роа к себе.

— Знаю, что ты уже большой и не любишь обнимашки, — произнесла тихо, — но сейчас нам надо быть всем вместе. Сейчас надо настроиться и позвать глубоководных драконов, чтобы они пришли. Только всем вместе. Одновременно.

— Громко?

— Можно громко. А можно просто от сердца. Внутри. Как хочешь.

— И они придут? — тихонечко спросила Риа, которую я крепко-крепко прижимала к себе.

— Если будем звать всем сердцем — да.

— А почему с нами он, а не папа?

Взгляд Роа ударил в меня, как совсем недавно — сила его отца. Я задохнулась, не представляя, что отвечать. Не зная, как отвечать. На ум приходила только новая ложь, но я предпочла сказать полуправду:

— Бенгарн Вайдхэн — Черное пламя Раграна. Если кто-то и может помочь дозваться глубоководных, то это он.

Роа серьезно кивнул, а я прикрыла глаза. Как раз в тот момент, когда из-за спины донеслось:

— Они уходят, Аврора.

— Хорошо.

Не знаю, откуда во мне вообще возникла эта мысль: «Убери всех». Как будто просто пришла изнутри, и я ей доверилась. Быть может, это было глупо, но у меня особо и не было вариантов. Либо следовать за своими чувствами, либо принять, что все, глубоководные оставят моих детей умирать.

— Дай мне руку, Бен, — попросила я.

Вот теперь убийственный взгляд вернулся. Тем не менее руку он мне дал, и я позволила его пальцам сдавить мои с такой силой, словно он хотел их сломать.

Наплевать. Мне все равно.

Главное сейчас — чтобы пришли драконы.

— Зовите, — попросила детей. — Роа. Риа. И помните — сердцем.

Мои малыши кивнули, и я закрыла глаза. Могла ли я быть уверена в том, что это работает? Нет. Не могла. Но я просто упала под эти свинцовые воды — мысленно, позволяя им захлестнуть себя, затягивая на глубину.

«Помогите, — повторяла про себя. — Пожалуйста. Они совсем еще маленькие. Они так хотят жить... Пожалуйста, позвольте им увидеть всю красоту этого мира. Пожалуйста. Помо-

гите увидеть, какое чудесное у них пламя. Я так долго скрывала его от них, но больше не буду. Я сделаю все, чтобы они были счастливы. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста!»

Сомневаюсь, что драконы слышали мои мысли, но я кричала сквозь сердце. Впуская в себя каждое мгновение — от первого крика до первых шагов. От первого слова до первого целого предложения. Все-все-все мгновения, подаренные мне судьбой рядом с этими малышами. С теми, кто навсегда в моем сердце. С теми, кто по-настоящему научил меня любить так же, как Лар — и учит до сих пор.

Я чувствовала клубящееся Беново пламя, бьющееся во мне, бурлящее, сквозь которое невозможно было различить ничего кроме. Его становилось все больше, больше и больше, и кажется, я уже горела сама, как мои дети.

Все равно.

Мне все равно.

Если бы можно было, я сгорела за них.

В какой-то момент сознание помутилось, и мыслей не осталось совсем. Только волна разрушающей силы, которую я должна была выдержать до тех пор, пока не придут драконы. Те, кто сможет спасти...

— Мамочка! Мамочка, смотри!

Крик Риа заставил меня распахнуть глаза. Я вздрогнула, сильнее сжав руку дочери — на глубине, прямо перед нами свинцовая гладь воды разорвалась, брызги осколками полетели в стороны.

В этот момент во мне не осталось ни крика, ни вдоха.

Только огонь.

Черное пламя, на зов которого глубоководный фервернский дракон, взмывший ввысь и закрывший собою небо, сейчас летел к нам.

Глава 5

Их было бесчисленное множество. Мне кажется, даже сейчас, когда я закрывала глаза, я видела глубоководных фервернских. Десятки драконов, которые пришли на наш зов вслед за своим лидером. Их пламя, начинавшееся с него — мощное, яростное, сильное, такое же, как я чувствовала в Бене, только усиленное многократно за счет всех окруживших нас зверей — казалось, могло уничтожить. Разорвать на части, даже если бы драконы ничего не сделали, просто самим фактом своего существования и своей близости, но я не боялась. Возможно, потому что самое страшное для меня заключалось в огненной лихорадке моих детей, а не в потоках сумасшедшей силы, проходившей сквозь мое, будем откровенны, хлипкое для такого человеческое тело, и не в том, что драконы замкнули нас в круг.

Роа и Риа смотрели на пришедших во все глаза. Кажется, даже забыли про жар, сжигающий их, а может быть, он начал отступать сразу, как только глубоководные вышли на сушу. Часть из них, правда, осталась в воде, часть расселась на побережье. Двойное кольцо, которое возглавлял их лидер — массивный, иссиня-черный зверь с мощными шипами на крыльях, на спине, на голове. Он сел рядом с Беном, и я не представляю каким образом, но они общались. Потому что именно с его помощью черное пламя сначала потянулось к детям, а потом — сквозь них, из них, наружу.

В тот момент, когда ладони Бена, лежащие на груди Риа и Роа, охватила ярость клубящегося черного огня, я поняла, а скорее почувствовала, что мои дети спасены. Пламя вырвалось из них: то, что их убивало, больше не могло причинить им вред. Роа и Риа потеряли сознание, их сразу же доставили в клинику Ферверна, где ими занимался Арден — насколько я поняла, лучший специалист Торнгера Ландерстерга, и Арден же констатировал факт, что с детьми все в порядке.

Жар спал, никаких больше страшных симптомов, никаких больше ужасов огненной лихорадки. Они даже из бессознательного состояния просто сами перешли в сон и теперь сопели в кроватках рядышком. Правда, с кучей беспроводных датчиков на всякий случай, но я уже понимала, что можно выдохнуть. Облегченно. Пусть даже Арден сказал, что пару дней он за ними понаблюдает, просто чтобы исключить вероятность рецидива, теперь я могла дышать спокойно.

Даже несмотря на то, что опять случилось с моей рукой.

Узор снова ожил и полыхал всеми оттенками черного, с вкраплениями красных искр. К счастью, не загорался, когда я прятала его под выданным мне медицинским халатом, и, наверное, не будь всей этой ситуации, я бы отреагировала по-другому. Сейчас же, когда напряжение и страх за жизнь близнецов, сдавливающее сердце стальными тисками, остались в прошлом, я чувствовала себя легкой, как облачко. Готовой взлететь прямо из этого кресла и парить под потолком.

Мне невыносимо хотелось спать, но заснуть не получалось, и вовсе не потому, что я сидела в кресле, нет. Кресло было настолько удобным, насколько это вообще возможно, я же хотела просто увидеть, как мои РР откроют глаза, хотела позвать их по именам. Сказать, что теперь все будет хорошо, и спросить, как им драконы.

Впрочем, кое-что я могла сделать уже сейчас:

— Люблю вас, — прошептала тихо-тихо.

Светлые волосики дочери разметались по подушке, она спала, приоткрыв рот. Что касается Роа, он свернулся клубком, на боку. Он всегда так спал, словно постоянно напряженный и серьезный, и от этого еще больше похожий на отца.

Которому я сейчас обязана их жизнью.

Ему и глубокоководным фервернским, которые все-таки откликнулись на наш зов. Удивительно, но они и правда пришли, когда мы были все вместе, и когда Ландерстерг с войском — своим, и рагранским, очистили берег.

Бен оставался на берегу, когда нас увозили, и драконы еще были там. По-моему, туда опять вернулся Ландерстерг, и что они там собирались делать, я пока не знала, но это было и неважно. Важное, самое главное сейчас было передо мной. И я улыбалась, глядя на своих малышей, и снова и снова мысленно благодарила всех, кого только можно за их спасение.

— ... они там втроем, — донеслось до меня из-за двери.

Вообще-то в этом центре была хорошая звукоизоляция, но на том, чтобы дверь была приоткрыта, настояли мергхандары (местный аналог вальцгардов), поэтому все, что происходило за дверями, было слышно. За дверями, кстати, стояли и те, и те — фервернские и рагранские военные, что снова наводило на воспоминания.

— Значит, выведите ее оттуда, — раздался голос Бена.

Я поднялась.

Я тоже хотела с ним поговорить, и многое хотела ему сказать. Не о прошлом. О том, что случилось вот только что. О том, что если бы не он...

— Ее и ребенка, который сейчас с няней, нужно будет отправить в Зингсприд. Своих детей я забираю в Рагран.

Я останавливаюсь, если не сказать спотыкаюсь. На меня вдруг разом обрушивается все, что произошло, и вдогонку падают его слова.

В которые я никак не могу поверить.

Хочу, но не могу.

Я все еще не верю в то, что он может так поступить, хотя сама же сто раз думала об этом.

Отступаю, потихоньку, пячусь к креслу и опускаюсь в него. Руки на подлокотниках, спина прямая. Давай, попробуй забрать моих детей, Вайдхэн. Посмотришь, что у тебя из этого выйдет.

Заходят двое вальцгардов. Они новенькие, или я с ними в прошлом не пересекалась, но, видимо, они рассчитывают увидеть хрупкую беззащитную женщину, которую можно так легко вывести из палаты ее детей.

— Риам Этроу... — начинает один.

— Эсса, — подсказывает второй.

— Эсса Этроу, пойдете с нами.

— Зачем? — интересуюсь я.

Вальцгарды переглядываются. Видно, что им тоже слегка не по себе, но они военные, поэтому слаженно шагают к моему креслу. Я вцепляюсь руками в подлокотники, с силой сжимаю пальцы.

Чтоб тебя дракон сожрал и непереваренным выблевал, Вайдхэн! Ты даже сам боишься сюда зайти. Боишься сказать мне все это в глаза! Или как? Будешь стоять и смотреть, как меня потащат по коридору?

— Риам Этроу... эсса. Пожалуйста, пойдете с нами. Не будем будить детей.

Ах ты ж гаденыш! Детей он будить не будет.

— Я абсолютно согласна, что после случившегося их не стоит будить, — еще сильнее сжимаю пальцы на подлокотниках. — И я тоже очень устала, поэтому оставьте меня в покое и выйдите.

— Нас уволят, — как-то обреченно сообщает один второму.

Или мне.

А мне плевать!

В кои-то веки мне плевать, потому что так быть не должно! Нельзя забирать детей у матери. Нельзя забирать у детей мать, сколь бы звезданутый и могущественный ни был их отец! Да будь он хоть творцом всея Вселенной!

Судя по всему, у одного вальцгарда срабатывает инстинкт «приказ превыше всего», и он шагает ко мне. Рывком выдергивает из кресла, я даже не понимаю, на что он там нажал на запястьях, что у меня разжимаются пальцы, я не кричу только потому, что спят мои дети, и я не хочу их пугать. Но то, что я не кричу, не значит, что я не стану биться до последнего, и упираюсь ладонями ему в грудь, в отчаянии, с силой, с желанием оттолкнуть так, чтобы он вылетел из этой палаты сквозь дверь и врезался в Вайдхэна, а Вайдхэн врезался куда-нибудь головой и начал думать о том, что он сейчас делает!

Вспышка!

И меня отбрасывает в сторону, а вальцгард действительно летит. Через всю палату, на глазах у совершенного очешуевшего напарника врезается в стену и сползает по ней. Я же с изумлением смотрю на клубящееся над ладонями черное пламя и узор, который сияет как ночной Зингсприд. Внутри меня клокочет нечто чужое, звериное, незнакомое, мне кажется, если я сейчас открою рот, то натурально зарычу. Как драконица.

Ни звука. Ни вздоха. Ни-че-го. На мгновение.

— Мам? А за что ты стукнула вальцгарда?

Я возвращаюсь в реальность от голоса своей дочери. Роа и Риа сидят на постели и переводят взгляды с улетевшего вальцгарда и помогающего ему подняться напарника на меня. Вместе с реальностью возвращаются звуки, запахи, ощущения — знакомые, человеческие, я моргаю, пытаюсь осознать то, что над моими ладонями тает дымка. И что она из себя представляет.

Что-то мне подсказывает, что осознать надо быстро, а главное — как это сделать второй раз. Теперь уже с тем, кто вошел в комнату и реально может вытащить меня отсюда. Забрать у меня моих детей!

— Что здесь происходит? — холодно интересуется Вайдхэн.

— Балет! — выдаю я. Раньше, чем успеваю себя остановить.

И вижу, как от гнева и ярости темнеют его глаза.

— Оставьте нас, — коротко командует он, и вальцгарды с явным облегчением испаряются.

Я не спешу убирать руки, пусть посмотрит, на что я способна. А он смотрит и, судя по всему, начинает понимать. Что я теперь тоже не беззащитная виари. Не знаю, откуда что взялось, и во что это выльется, но сейчас для меня это не важно. Важно то, что во мне есть черное пламя, и я могу защищаться.

Я правда думаю, что я смогу защититься от него?

Встаю между ним и детьми, закрывая их собой.

— Ма-ам, — Риа подползает к краю кровати и тянет меня за рукав. — Мам, я домой хочу.

В этот момент я вспоминаю все то, о чем думала до появления Вайдхэна, до его слов. Нет, быть сожженным драконом — для него слишком мало! Я же перепугала детей, а Роа так вообще смотрит так, будто собрался драться.

— Все хорошо, — я поворачиваюсь к дочери, наплевав на того, кто возвышается над нами горой. — Все хорошо, звездочка. Я случайно ударила вальцгарда, потому что во мне теперь есть пламя. И в вас тоже.

— Как? — Риа широко распахивает глаза.

— Мы же не иртханы, мам, — сосредоточенно произносит Роа. — Как такое могло случиться?

Пауза, то коротенькое мгновение, которое я беру на то, чтобы сообразить, что ответить, обходится мне слишком дорого. Вайдхэн шагает ко мне, я оборачиваюсь, но слишком поздно.

В шею входит короткое жало иглы, и мир начинает темнеть. Последнее, что я слышу, когда он подхватывает меня на руки:

— Ваша мама устала. Ей нужно немного отдохнуть. Отдельно от вас.

Глава 6

Я просыпаюсь от того, что руку дергает, словно мне без анестезии делают татуировку. Мне никогда не делали татуировку, но по ощущениям, именно так я и должна это чувствовать. Все начинается с огненной колючей боли, а заканчивается...

— Роа! Риа!

Мир быстро крутится перед глазами, но я удерживаю себя, вцепившись ладонями в простыню на больничной койке. Я в той же самой палате, что были мои дети? В той же или в похожей. Рядом со мной Арден, который не дает мне рывком спрыгнуть на пол, а еще в моей палате сам Торнгер Ландерстерг. Именно он произносит:

— Их нет, Аврора. В Ферверне. Детей забрал их отец.

Как же я ненавижу его за это! Отца и Торнгера Ландерстерга, которому готова вцепиться в волосы взамен того отца. Чтоб его... Состояние паники захлестывает меня, и руку начинает жечь так, что из глаз невольно текут слезы.

— Все хорошо, — констатирует Арден, глядя на датчики. — С ней все хорошо.

— Замечательно. Как ты и сказал, очнулась она гораздо быстрее, чем могла бы.

Ненавижу их! Ненавижу их всех! Всех иртханов! А этих — особенно. Они отдали ему моих детей! Он увез их в Рагран. Я в полушаге от того, чтобы начать драться с Арденом, когда он произносит, на удивление мягко:

— Аврора, пожалуйста. Я понимаю, что вы чувствуете, но мне бы очень не хотелось колоть вам успокоительное, — врач кивает на монитор. Он больше напоминает военного, чем врача, и я с ненавистью смотрю на него:

— Вы не имели права! Не имели права отдавать ему их без моего...

— Вообще-то имели. — Торнгер Ландерстерг не повышает голос, но от его спокойных глубоких интонаций по коже и так идет мороз. — Но речь сейчас не об этом. Арден, оставишь нас для короткого разговора?

Врач кивает и мгновенно выходит. Теперь я с ненавистью смотрю на Ландерстерга — больше не на кого. Да мне плевать, на кого смотреть. Я правда их всех ненавижу. Иртханы! Повелители мира. Считающие, что им все подвластно и все доступно, что все в их руках.

— Мне все равно, что вы скажете. Говорить с вами мне не о чем. Уходите.

— Я думаю есть о чем. — Иртхан приближается и останавливается совсем рядом. В каком-то шаге от моей парящей над полом койки. — Мы с женой чуть не оказались в подобной ситуации. Сейчас, глядя на вас, только в эту минуту я начинаю понимать, какой катастрофы мне удалось избежать.

— Душещипательно. Скажете, когда начинать рыдать?

— Вы злитесь, и это нормально.

— Да вы что?!

— Аврора, вы правда считали, что скрывая детей правящего страной, вы избежите последствий? Вы правда верили в это?

Сейчас я ненавижу его еще больше. За эту его непробиваемую физиономию, за лед в глазах.

За то, что по сути... он прав. Он прав в том, что все эти годы я надеялась на то, что мои дети успеют вырасти. Успеют стать совершеннолетними и самостоятельно принимать решения. Что их отец больше никогда ничего не сможет им приказать. Ни им. Ни мне.

— Какое вам дело до всего этого?! — голос срывается, становится хриплым. Как от простуды.

— Дело? Ну, даже если отменить мою «душещипательную», как вы выразились, историю, мы ввернули такую политическую ситуацию, от которой у Мирового сообщества волосы дыбом.

Ваши дети — наследники одного из сильнейших иртхнов мира. Возможно, сейчас сильнейшего в принципе, я не замерял.

Это что, у него чувство юмора типа?

— Вы не просто увезли их втайне от отца, вы их родили втайне от него. Вы их растили втайне от него. Подвергая их и свою жизни, жизни окружающих вас людей опасности, но даже если отбросить все это, вы пошли на сговор с правящим другой мировой державой. И это, моя дорогая Аврора, уже далеко за пределами того, что касается лично вас. Это — мировой конфликт.

Мне показалось, или он сейчас издевается? Злится? Прищурился так, что глаза превратились в две узкие щелки, в которых начинает плескаться пламя. Вот тебе и непробиваемый Торнгер Ландерстерг, но...

— Не вам читать мне мораль, — резко говорю я. — А что касается сговора с правящим, свою паранойю оставьте себе. О моих детях не знал никто. Только их отец... то есть мужчина, который согласился стать их отцом и растить их. И наш семейный врач.

Пламени в глазах становится больше, а затем меньше. Ландерстерг хмурится, но во мне уже не осталось сил на него смотреть. Чем скорее он уйдет, тем лучше. Чем быстрее я останусь одна, тем быстрее смогу прорыдаться. Если получится. Потому что слез нет, внутри клубится ярость и то, чем меня наградили глубоководные. То, что жжет руку, словно меня снова и снова клеймят.

— Поверить не могу. Вы правда не знали? — Ландерстерг в упор смотрит на меня.

— Мне наплевать на вас, и на то, во что вы верите, — я падаю на подушки. Сил держать себя больше нет, потому что голова опять начинает кружиться. — Уйдите. Просто уйдите, пожалуйста.

Я добавляю «пожалуйста», чтобы он в самом деле наконец-то ушел. Ничем другим его не проймешь, но, может, хоть так...

Вместо ухода получается обратный эффект. Торнгер Ландерстерг шагает еще ближе, опирается ладонями о подлокотники.

— Аврора, Элегард Роа работает на внешнюю разведку Аронгары. Уже много лет.

Черное пламя Раграна

— АААААААА!!!! Я к маме хочу!!!! АААААААААА!!!! — таким ревом его встретила импровизированная «детская», которую создали в рекордно короткие сроки, и которая сейчас больше напоминала поле битвы двух не поделивших территорию или самку драконов. Все было перевернуто с ног на голову, постельное белье стянуто и разодрано, подушки на полу, игрушки на люстре. Буквально.

Все ящички выдвинуты, содержимое разбросано по комнате, то, что удалось вытянуть с концами, тоже валяется на полу. Его дочь сидела посреди всего этого безобразия и орала, как сирена, предупреждающая о налете. Никогда бы он не подумал, даже не предположил, что у ребенка может быть такой голос. Ей бы в певицы... если бы не родилась иртханессой. И его дочь.

— Риярна, — игнорируя белую как мел няню, он шагнул к ней, — что здесь происходит?!

— Мы не хотим здесь оставаться. И не останемся, — Роа сложил руки на груди. В отличие от сестры, он не кричал, он говорил спокойно, и не как четырехлетний пацан, а как взрослый... ну минимум, как подросток.

— Я уже объяснил, почему вы останетесь здесь, — холодно произнес он.

Дети устроили истерику еще когда он забирал их от Авроры. Точнее, устроила дочь, сын все так же убийственно смотрел на него, даже когда пытался драться, царапаться и кусаться на руках у вальцгарда. Пришлось забирать его и нести самому. На выделенной линии телепорта

сотрудники смотрели на него большими глазами и как на изверга. Потому что Риярна охрипла и ревела, не переставая. Успокоилась она относительно только здесь.

— Ваша мать лгала вам о том, кто вы, и о том, кто ваш отец, — это в один миг прекратило истерику, и даже сосредоточенный злой сын превратился в растерянного маленького мальчика.

Может, это и было резко, но с ложью и с правдой иначе никак. Любой хирург знает, что боль причиняешь во имя исцеления быстро, как один разрез скальпеля. Не по миллиметру раз в полчаса, такую операцию не выдержит никто.

— Что? — хрипло переспросила девочка, которая только что кричала как заведенная.

— Я ваш отец. И вы будете жить со мной.

— А мама?

— А мама не будет. Она сделала свой выбор много лет назад, когда забрала и увезла вас без моего ведома.

Хуже всего было то, что он понятия не имел, как с ними общаться. По ощущениям, у него даже с Ларом получалось лучше, чем с собственными детьми. В свое время, мечтая о семье, не так он себе все это представлял, но Аврора... Аврора все решила за него. Все к наблам разрушила. То, что он мог держать этих детей на руках. То, что мог видеть их улыбки, то, что они тянули бы к нему свои ручки, узнавали постепенно, каждый день, каждое мгновение. Все это она просто-напросто украла. Выдрала из его жизни, и не только из его. Из их тоже. Выдрала и выкинула по собственному желанию, по сговору с Халлораном, взамен него подсунув детям фальшивку, работающую на правительство.

Элегард Роа.

Какого набла он обо всем не догадался сразу? Прорабатывая свое окружение на двести процентов, предсказывая все шаги оппонентов, все покушения или шпионаж, зная все и обо всех, он умудрился пропустить собственных детей. Позволил ей все это время водить его за нос. Позволил ей их увезти.

От этого просто срывало крышу. От этого, а еще от того, что ответ все это время был у него под носом: дети с черным пламенем могут прятаться. Они могут буквально обходить любые приборы, любые анализы, любые поисковые системы, включая родственный зов. Если бы Ландерстерг не сказал ему этого, он бы не поверил. Не поверил в то, что его дети просто скрывались от него, когда Аврора уезжала из Мериужа.

Ландерстерг, дракон его задери, знал! А он нет.

Потому что крохотная дочь Ландерстерга в прошлом, чтобы избежать анализов, которых она очень боялась, просто исчезла на ровном месте. Просто скрылась со всех камер, оставаясь у себя в комнате, и стала видимой, только когда захотела помочь брату.

— Я даже предположить не мог, что это твои дети, — заявил Ландерстерг в ответ на вопрос, почему не поделился такой информацией сразу. — Зная тебя и твою сеть агентов. Зная твою паранойю, Вайдхэн. Зная, что однажды ты почти помог Халлорану провернуть то же самое с Лаурой.

Его даже передернуло. При упоминании Лауры.

— То есть ты мне так отомстил?

— Месть – удел слабаков, неудачников и несчастных, — холодно ответил Ландерстерг. — Ни тем, ни другим, ни третьим, я, к твоему величайшему сожалению, не являюсь.

Он усмехнулся. Что ни говори, а напряженность между ними осталась. Причем не только с его стороны.

— Тогда к чему ты все это мне говоришь?

— К тому, что это твои дети. Но родились они в Аронгаре, а значит, у них автоматически аронгарское гражданство. Подумай об этом.

— Халлорану нужно было об этом думать. Когда он прятал моих детей. — Холод и ярость, улегшиеся было на дно, заворочались снова. — Потому что в первую очередь они именно *мои* дети.

— Ее тоже.

— Нет. Теперь уже нет.

Она могла сделать все по-другому. Могла, и тогда, возможно... внутри полыхнуло пламенем с такой силой, что на миг показалось — иссушит дотла, превратит в горстку пепла прямо на ровном месте. Потому что думать о том, что с Авророй Этроу у них могла получиться семья, с женщиной, которая походя ему лгала... Лгала о таком!

Он вышел от Ландерстерга, не прощаясь, хотя по-хорошему стоило бы его поблагодарить. Только благодаря ему, его быстрому содействию, Роархарн и Риярна живы, благодаря ему у него есть время, чтобы все объяснить детям. Чтобы стать для них настоящим отцом.

Но сейчас, когда после всех объяснений, состоявшихся не так давно — около часа назад — он стоял в разгромленной комнате и смотрел в сверкающие ненавистью глаза сына, так похожие на его, эта уверенность начинала таять. Что она с ними сделала? Что она вообще им о нем говорила?

— Мы не хотим здесь оставаться, — повторил Роа. — И не будем.

— Это не вам решать, — резко произнес он. — Даю вам два часа на то, чтобы навести здесь порядок.

— Или что? — дерзко спросил его сын.

— Или вы никогда больше не увидите свою мать.

Дочь широко распахнула глаза, а он уже повернулся к няне:

— Не помогать. Пусть сами уберут все, что разрушили. Все сломанное — выкинут. После этого позовете меня.

Няня хлопала глазами, судя по всему, лишившись дара речи. Только молча кивнула.

— Я тебя ненавижу. Ты никогда не будешь моим отцом. Никогда! — ударило в спину злое от сына, когда он шел к двери.

Развернувшись, встретился взглядом не просто с ребенком. Со зверенышем.

— Увидим, — ответил коротко и вышел.

С трудом сдержавшись, чтобы не начать крушить все прямо в детской, потому что если детскую ярость та комната выдержала, его способен был выдержать только тот бункер, который он построил для себя в Ровермарк. На случай, если придется защищать окружающих от спонтанности черного пламени.

Годы шли, тот бункер так и не пригодился, но, судя по тому, что он испытал за последние сутки, у изоляционной камеры есть все шансы себя проявить.

Ничего.

Он сумеет справиться с этим, как всегда справлялся со всем. Когда он рассказывал детям о том, что их отец вовсе не их отец, они тоже не сразу поверили. Но поверили. Поверили — он прочел это в их глазах. Со временем они примут и его как отца, и то, что они больше не будут жить с матерью. Изначально он тоже думал о том, чтобы запретить им встречаться с Авророй, запретить навсегда, но потом понял, что это не вариант.

Несколько встреч — и они сами не захотят ее видеть. Когда поймут, что она сделала. Когда повзрослеют и начнут разбираться, что к чему. Разумеется, есть вероятность, что Аврора захочет настроить их против него еще больше, но вряд ли посмеет сделать это в его присутствии. Все их встречи будут исключительно в его присутствии.

Споткнувшись взглядом о притихшую Дрим, вытянувшуюся вдоль стенки струной, он вытащил смартфон.

Пропущенный от Дейан.

В этот момент он испытал короткий укол совести: Дейан знала о его сумасшедшем графике, и никогда не напрягала ни звонками, ни вопросами, но сейчас... Сейчас, когда весь Рагран, да что там, весь мир стоит на ушах после того, как он мотался через три страны с детьми на руках, она заслужила его личные комментарии, а не официальный ответ пресс-службы для журналистов.

«Буду у тебя через полчаса», — сбросил короткое сообщение и кивнул шагнувшему к нему начальнику Службы безопасности.

— Летим дальше. Организуй мне сопровождение и можешь быть свободен. По организации безопасности у меня дома встретимся завтра.

Если раньше ему нужно было думать только о себе, теперь нужно думать еще и о детях. О том, как обеспечить им стопроцентную безопасность, о том, как выстроить распорядок их дня, и о том, как в связи со всем этим перестроить свой.

Глава 7

Аврора Этроу

— Вам принести еще что-нибудь, ферна? — спрашивает на аронгарском официантка, а я с трудом вспоминаю язык, на котором в принципе отлично разговариваю. Оно и неудивительно: я по-прежнему не спала, а после разговора с Ландерстергом испытывала одно-единственное желание — оказаться как можно дальше от этого их медицинского центра. В котором у меня забрали детей. Просто забрали и увезли, как будто они виарята, и я не могу перестать об этом думать. Об этом, а еще о том, что он мне сказал:

— Ваши дети — граждане Аронгары, и они же дети правящего Раграном. Подумайте, к чему это может привести, если вы попытаетесь это раздуть.

— И что вы мне предлагаете?

— Помириться с их отцом.

— Что, простите?!

— Он сейчас как раненый дракон, Аврора. Ему больно. И только вы можете его исцелить. В жопу он раненый. И в голову. Раз три. Мне его исцелять?! После того, что он сделал?

— Принесите мою одежду, — сказала я. — Я хочу пройтись и подумать.

— Я не могу отпустить вас одну в таком состоянии.

— Я не спрашиваю, что вы можете, а чего не можете. Принесите мне мою одежду. Я хочу отсюда уйти.

— Журналисты и СМИ...

— Я умею управляться с журналистами и СМИ. Я вообще много что умею делать сама, — это звучит язвительно. — Хотя, возможно, на первый взгляд так не кажется. Надеюсь, я ясно выразилась?

— Ясно, риам Этроу. Более чем.

Я даже не сомневалась, что Ландерстерг все равно отправит кого-нибудь за мной «присмотреть», и не ошиблась. Вон он торчит под окнами, точнее, невинно устроился на противоположной стороне улицы, развлекается, как может. Делает вид, что кого-то ждет. Тьфу!

И в этом они все, иртханы. Ты им говоришь: «Белое», а они тебе: «Черное». И по чешуе, что тебе это черное ни в одно место не вперлось. Особенно Черное пламя Раграна, чтоб его понос десять раз одолел.

Помириться с ним. Исцелить его.

Ага. Обязательно.

— Принесите еще чашку кофе, — попросила официантку, которая застыла у моего столика.

— Может быть, хотите десерт? Или сэндвич?

— Нет. Только кофе.

Девушка кивнула и отошла, а я облокотилась о стол. Кофе — пятая чашка, которую я буду пить — было и оставалось единственным, что позволяло мне не заснуть и хоть как-то держаться. Сил внутри меня не осталось, поэтому я брала в кредит, запуская в себя кофеин и выживая на адреналине.

По-хорошему, мне нужно было быть в гостинице, с Ларом. Но я не представляла, что я ему скажу. Как я ему это скажу. Что его брата и сестру забрал Вайдхэн, что наша семья... я даже не представляю, когда наша семья станет прежней, как я смогу их вернуть. Что Элегард Роа был агентом разведки Рэйнара Халлорана, и что все четыре года моей жизни, все это время, когда я думала, что все налаживается — фальшивки, подстава, игра политиков. Игра высокостоящих иртханов против друг друга.

Как это объяснить мальчику, которому едва-едва семь?

И который пережил двух «отцов», которым он не нужен. Третий вот тоже уже, на подходе.

— У вас не занято? — Я вскинула голову и обнаружила рядом со своим столиком мужчину. Плотные выующиеся волосы, черные, в тугих спиралях колечки седины. Невысокий, примерно моего роста, обычного телосложения.

— Я не знакомлюсь, — отрезала коротко. И отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Камартовым фларом им всем, что ли, намазано? Элегард говорил, что я в последнее время из дома не могу выйти, чтобы ко мне кто-то не приклеился, и это правда было так. Мужчины, даже понятия не имевшие, что я звезда балета, с какой-то радости просто на меня залипали, подходили знакомиться не просто в кафе или в ресторанах, а даже банально на улицах.

— Я и не собирался с вами знакомиться. В какой-то мере я знаю о вас все, Аврора Этроу. Он отодвинул стул и сел, а я мысленно выругалась.

Понятно. Второй тип, как говорил тот же самый Элегард. Журналист под прикрытием.

— Интервью я не даю тоже, — резко в упор посмотрела на него. — Оставьте меня в покое, или...

— Мне не нужно от вас интервью. — Мужчина откинулся на спинку стула и улыбнулся: — Мне нужно, чтобы вы помогли нам защитить мир от иртханов.

Что?

ЧТО?!

Я начала подниматься, но он перехватил меня за руку:

— Сядьте, пожалуйста. Аврора. Мне очень нужно с вами поговорить. Вы прекрасно видите, что я один, без оружия, не собираюсь брать вас в заложницы и даже прекрасно знаю, что за вами следят, и что вы можете выйти из этого кафе, а я уже не смогу. Достаточно одного вашего крика.

Мой сопровождающий на той стороне тоже напрягся, это было заметно. Но это было лишь сотой долей того, как напряглась я.

— Мне не о чем говорить с террористами.

— Террористы не подсаживаются за столик с намерением поговорить, вы не находите? — Мужчина разжал пальцы, положил руки на скатерть. — Они действуют немного по-другому.

— Вы и действуете по-другому, — вот сейчас я готова была начать кричать. — Убивая невинных людей.

— Мы? Или те, кто хочет, чтобы их считали властелинами мира? Зачем нам убивать людей? Если мы изначально боремся за их права.

Он замолчал, потому что к столику приблизилась официантка. Принесла мне кофе, посмотрела на мужчину.

— Хотите что-нибудь заказать, ферн?

— Нет, благодарю.

Девушка ушла, а он посмотрел мне в глаза.

— Дайте мне пять минут, Аврора. Потом встанете и уйдете. Если хотите, позовете того парня. Да хоть прямо сейчас зовите его, но я тоже отец, и я тоже лишился своих детей, связавшись с сильными мира сего.

«Мне все равно», — захотелось заорать мне. — «Мне все равно, все, что вы говорите, ложь!»

Вместо этого я опустила за столик и посмотрела на него в упор.

— Рад, что вы решили остаться. Теракты в Аронгаре — дело рук иртханов, Аврора. Зачем? Сейчас, когда их влияние в связи с драконами ослабевает — а вы сами видите, что происходит, вынужденное отключение щитов, люди перестают бояться драконов, в Ферверне чтобы удержать власть вынуждены делить ее с людьми — им нужен новый противник. Противник страшный настолько, чтобы защитить от него вас могли только они. Иртханы.

Я убрала руки под стол.

— И вы считаете, что я во все это поверю? В ваш бред?

— Вряд ли. Но хотя бы задумаетесь. Если вы хотя бы задумаетесь о том, что происходит, это уже хорошо. — Мужчина улыбнулся, но его улыбка тут же погасла. — Потому что присвоение власти — а именно это произошло в древности, и происходит даже по сей день — это не что иное, как тирания. Люди всегда были вторым сортом, они им и останутся. Пока иртханы продолжают править миром. Мы не собираемся никому мстить. Мы хотим, чтобы в свободном мире все были равны.

— Теракты, которые гремели несколько десятилетий назад, тоже организовали иртханы? — Я все-таки поднялась. — Мне все равно, что вы скажете. Мои дети наполовину иртханы, и мне плевать, какими намерениями вы руководствуетесь.

Я подхватила сумочку.

— Если вы хотели таким образом подобраться к вышестоящим иртханам, вы выбрали не ту женщину. Во всех смыслах.

— Ваш кофе.

— Что?

— Ваш кофе, — мужчина указал на чашку.

— Оставьте себе.

Я понятия не имела, как себя вести — если я сейчас закричу, кто знает, что может случиться. Да, он сказал, что он без оружия, но оружие бывает разным. То же биологическое, например, а здесь, в кафе, много людей. Слишком много. Поэтому я просто направилась, не оглядываясь, к выходу. Пока шла, чувствовала, как каждый удар сердца отдается в ударе каблучков об пол.

И, разумеется, сразу направилась к застывшему у бутика посланнику Ландерстерга. Тот сделал вид, что собирается уходить, но я его догнала. Коснулась плеча, собираясь сказать, кто сидел рядом со мной в кафе, и он даже обернулся. Но в кафе, за моим столиком, уже никого не было. А я поняла, что забыла заплатить, и что стоящая в дверях официантка смотрит на меня как на преступницу века.

До чего ж я докатилась-то, а.

— Вы что-то хотели, ферна? — спросил мой сопровождающий, но я покачала головой.

— Можете больше не притворяться. Я сейчас оплачу заказ и вернусь. Отвезете меня в гостиницу, а потом к ферну Ландерстергу.

Если и говорить о случившемся, то с Ландерстергом напрямую. А пока что мне надо к Лару. Пусть даже я не знаю, как с ним говорить и о чем.

Холодные высотки Ферверна, сейчас залитые летним солнцем, отражали его свет, пытались ударить им по глазам, но тонировка стекол флайсов спасала от любых попыток такого рода. Гостиница, куда поселили Лара и няню, принадлежала известной сети Шеррамел, я же едва дождалась, пока бежала от парковки к лифтам и до номера.

Перед дверью тоже стояли мергхандары, а открыла мне няня. Стоило шагнуть внутрь, как сын вихрем вылетел из глубины гостиной, бросился ко мне и порывисто обнял.

— Мамочка! — выдохнул он, запрокинув голову. — Мам... мама, это правда, что Черное пламя Раграна забрал Риа и Роа?

Я знала, что рано или поздно мне придется отвечать на этот вопрос и смотреть ему в глаза. Знала, но все равно оказалась к этому не готова. Откуда... как он вообще об этом узнал? Я перевожу взгляд с сына на няню:

— Откуда новости?

— Так... визор же, — отвечает она и опускает глаза.

— Вы разрешили моему сыну смотреть визор?! В такой ситуации?!

— Мультфильмы. Он попросил мультфильмы. А потом сам переключил...

— Сам. Переключил, — я передразниваю ее, копирую ее дрожащий голос. Внутри поднимается волна гнева. — А вы здесь на что? Чтобы быть рядом с ним? Или нет?

— Я просто вышла в ванную... ненадолго.

Не знаю, чем закончился бы этот разговор, если бы Лар не потянул меня снова за руку.

— Мам. Мам, так это правда?

Я снова опустила взгляд на него. Он уже такой большой, мой маленький мальчик. Такой взрослый. И, несмотря на то, что Роа начал верховодить всеми чуть ли не с первых шагов, именно Лар всегда был тем, кто умел сгладить конфликт. Кто всегда шел на компромиссы... или почти всегда. У него был характер, и брату в обиду он себя не давал, и в то же время ему не нужно было всегда и во всем быть первым. Он просто любил своих брата и сестру.

— Пойдем, — я киваю ему на гостиную, взглядом давая понять, что няня будет там лишняя. Но она и вряд ли пойдет за нами, судя по ее выражению лица, меня она теперь будет избегать.

Очень правильно сделает! Искушение уволить ее прямо сейчас слишком велико, но я не хочу добавлять Лару стресса. А еще я не хочу быть как Вайдхэн, поэтому просто увожу сына в просторную гостиную, к дивану, выключаю визор и сажусь рядом с ним.

— Да, Лар. Это правда. Он их забрал.

— Но они же вернутся? Они будут жить с нами, правда?

Я прикрываю глаза. Чем бы ни думал Вайдхэн, что это вот так просочилось в новости, это точно не голова. Да, я понимаю, что он делает: отрезает мне и себе последние пути к отступлению, если рассказывает о том, что забрал детей. Правда, вряд ли он успел бы рассказать о чем-то, скорее, он позволил журналистам все это снять, а потом последуют комментарии его пресс-службы. И мне нужно успеть в Рагран раньше, чем они последуют. Раньше, чем это все окончательно превратится в кошмар для моих детей, для меня. Для всех.

— Да, — отвечаю без малейших сомнений. — Да, мы обязательно будем жить все вместе.

— Мы вернемся в Аронгару? К Элегарду? — Лар так и не начал называть Элегарда папой, и теперь я думаю, что это к лучшему. Психологи говорили, что это из-за двойной травмы, но теперь травма будет тройная. А еще травма будет у Элегарда, когда я его увижу. Мне плевать, что он делал рядом со мной, но он вел себя с моими детьми так, будто ему в самом деле было не наплевать. Он позволил им в это поверить и теперь...

Обрываю эту мысль раньше, чем она разовьется во что-то еще. Сейчас для меня главное — мои дети. Мой сын, который передо мной, мои сын и дочь, которых увез Вайдхэн. Ради них я сделаю все. Ради них я пойду на что угодно, чтобы их вернуть. И если Вайдхэн не вернет мне их по-хорошему, истоковцы, Халлоран, Ландерстерг — да весь мир, покажутся ему просто виарятами.

— Сейчас главное, чтобы ты оставался здесь. В безопасности, — говорю я. — Пока я не заберу Роа и Риа.

— Здесь? В безопасности? — переспрашивает Лар. — А мы в опасности, мам? Почему?

Потому что я больше не доверяю Аронгаре. Но надавать бы себе по губам за то, что озвучила это.

— Потому что все узнали, что Роа и Риа дети Бенгарна Вайдхэна. — Это мне тоже рано или поздно надо было сказать самой. Глядя ему в глаза.

Лар часто-часто моргает.

— Почему ты нас обманывала, мам?

Я глубоко вздыхаю.

— Потому что не хотела такого развития событий, Лар.

— Но, мам, он ведь был хороший. Он даже нас тогда помирил.

Ох, Лар. Я тоже думала, что он хороший.

— Он не хотел Роа и Риа. Лар, — я беру руки сына в свои. — Обещаю. Я все объясню. Я никогда больше не буду вам лгать и расскажу все-все-все, но когда мы снова будем все вместе. Ты мне веришь?

Лар кивает. Чудесный мой мальчик.

— Спасибо тебе, — обнимаю его. — А теперь мне надо идти. Я за Роа и Риа и вернусь так быстро, как только смогу. А ты побудь с няней и не смотри больше визор, пожалуйста. Мульттики можно. Немножко. Но только не новости, хорошо?

Разумеется, няня ему теперь и сама не позволит, но мне нужно, чтобы Лар мне это пообещал. Потому что он всегда исполняет свои обещания.

— Да, мам. Хорошо.

— Я люблю тебя, Драконенок, — обнимаю его крепко-крепко, целую. Встаю и иду к выходу, на ходу набираю экстренный номер, который дал мне Ландерстерг. Чтобы сообщить, что я сразу в Рагран, а разговоры, истоковцы, все это дерьмо — подождут. Сейчас главное успеть до выхода официального ответа пресс-службы.

Ландерстерг отвечает не сразу, но, когда отвечает, выясняется, что он придерживается того же мнения, и что мне откроют VIP-переход в Рагран.

Мы почти подлетаем к зданию телепорта, когда от главы Ферверна снова звонок.

— У нас с вами проблема, Аврора, — он называет меня по имени, но даже это не самое главное. Он говорит «у нас с вами», и мне становится не по себе. — На той стороне отказываются вас принять. Вам и вашему сыну запрещен въезд в Рагран.

Глава 8

«Я все улажу», — сказал Ландерстерг. Но ни набла он, разумеется, не уладил. Потому что мало того, что мне и Лару закрыли въезд в Рагран, Вайдхэн еще и сделал официальное заявление: то самое, которого я так стремилась избежать. Аврора Этроу, покинувшая страну и спустя год отказавшаяся от гражданства, обманом забеременела и увезла детей правящего.

Это была самая настоящая война.

Я могла ответить.

Могла пойти к журналистам, к Элегарду, к Халлорану. Развязать чуть ли не мировой конфликт, как говорил Ландерстерг, но я думала исключительно о своих детях. Как это отразится на них? Что они чувствуют сейчас? А что почувствуют, если их мать сцепится с их отцом на глазах у всего мира и поставит их в качестве игровых фигурок на доску, которую будет знатно трясти из-за всего этого?

Если объявить войну Вайдхэну я могла, то поступить так со своими детьми — нет. Я пыталась дозвониться до него, но мой номер оказался в блоке. От разговора с Ландерстергом по поводу меня он отказался. Все, о чем я могла сейчас думать — это мои дети. Как мне увидеть их. Как мне снова их обнять. Как сказать, что я по-прежнему, безумно их люблю, если каждое мгновение, каждая минута вдалеке от них могли отнять у Роа и Риа надежду на то, что они мне нужны. Я понятия не имела, что он им там наплел, но я должна была их увидеть.

Я должна была попасть в Рагран.

Как туда попасть? Я не знала. Снова и снова крутила в голове варианты, и снова и снова от них отказывалась.

Халлоран? Да, мои дети граждане Аронгары, как и я теперь. Не знаю, чем я думала, когда отказывалась от гражданства, хотя... знаю чем. Хотела обрубить все концы, закрыть эту тему навсегда. Доказать себе, что в Рагрane меня ничего не ждет. Ну вот и надоедалась. Если я пойду к Халлорану, это действительно может спровоцировать международный конфликт, в котором моих детей будут рвать на части два правящих. Тот правящий, который их отец, и тот, кому от меня надо было непонятно что. Мы даже ни разу не встречались, но по словам Ландерстерга, я чуть ли не в сговор с ним вступила, чтобы спрятать Роа и Риа.

Ландерстерг? Он уже двое суток не мог поговорить с Вайдхэном о том, что происходит. Точнее, мог. Но их разговор заканчивался, не начавшись, как только выяснялось, что дело касается меня. Для меня эти двое суток превратились в вечность, в которой я сошла бы с ума, если бы не Лар.

С одной стороны, мне обрывали телефон СМИ изо всех стран.

С другой — Элегард, которого я сейчас ни слышать, ни видеть не могла.

Молчал только один-единственный номер, у которого я была в блоке и который не дал мне даже возможности сказать хотя бы слово своим детям. Хотя бы что-то им объяснить. Первые сутки я его ненавидела. На вторые ненависть переросла в какую-то дикую отчаянную боль раненой драконицы. Ландерстерг уверял, что он решит этот вопрос, но все оставалось в той же точке.

Не спасал даже маркер черного пламени в моей крови. Тот самый маркер, который однажды объединил нас с Вайдхэном. В ответ на его наличие он сказал Ландерстергу, что такое уже было, и что «ничего, пройдет, когда Аврора Этроу еще четыре года проживет в Аронгаре».

Соцсети сходили с ума. Мне пришлось закрыть страницу, потому что меня обвиняли в том, что я дерьмовая мать, увезла детей от отца и подвергала их жизнь опасности. Те, кто вчера были моими поклонниками, умудрялись писать мне ругательства, мне даже позвонил менеджер и сказал, что все в шоке, потому что на мои выступления начали сдавать билеты.

— Если так будет продолжаться, Аврора, тебе найдут замену, — сказал он.

Мне было все равно.

Я готова была отказаться от всего, лишь бы Роа и Риа снова были со мной, и, когда казалось, что я уже дошла до крайней степени отчаяния, мне позвонил Ландерстерг.

— Аврора, мне нужно серьезно с вами поговорить. Наедине, — сказал он.

Куда уж серьезнее. И куда уж наединее. Мы встречались в Айрлэнгер Харддарк, мощной машине правительственной высоты, фервернском аналоге Ровермарк. Кабинет Ландерстерга отличался ледяной сдержанностью, как и его владелец. Стоило нам оказаться за закрытыми дверями, как он запечатал нас еще и дополнительной блокировкой. Будто боялся, что я сбегу или наделаю глупостей. Хотя каких глупостей я могла наделать? Величайшую в своей жизни я уже совершила. Повернулась к Вайдхэну в палате своих детей спиной.

— Не стану скрывать, ситуация патовая, — произнес он, постукивая пальцами по столу.

Я смотрела ему в глаза. Не отрываясь. Говорят, что по этикету это отстой, но я просто смотрела ему в глаза. И ждала.

— Я...

— Вы хотите вернуть меня в Аронгару, — произнесла я.

Зачем-то.

— Это вы хотели сказать?

— Хотел бы сказать — сказал бы. — Ландерстерг коротко нахмурился. — Не стану скрывать, что мне гораздо проще поступить так и остаться в стороне. Но я не могу. У меня дочь, Аврора. Приемный сын. Любимая жена, которых могло бы не быть, если бы я вел себя как Вайдхэн сейчас.

Я приподняла брови. Желание спорить иссякло, я слушала.

— Единственный выход, который я сейчас вижу, вам нужно попасть в Рагран и переговорить с ним с глазу на глаз. — Он остановил мой незадачный вопрос, продолжив сразу же: — Единственный выход — вы должны оказаться в Рагрane под чужим именем и документами.

Поразительно. Я могла ожидать это от кого угодно, но только не от него. От него я ждала всего, чего угодно, но только не этого.

— В составе официальной делегации из Ферверна. Будете сопровождать меня. Я вас проведу до его кабинета, дальше дело будет за вами.

Да. Такого я точно не ожидала.

— А вы не боитесь... как бы это поточнее выразиться... краха международных отношений? Судя по тому, что Вайдхэн, — я поняла, что сказала без уважительного «риамер», но не стала на этом заикливаться, — творит сейчас, он способен на многое.

— Я боюсь того, на что он способен, если вы его не остановите. — Ландерстерг коротко улыбнулся уголками губ, но веселья в этой улыбке не было. — Если бы я вообще был способен чего-то бояться. Хотя, не скрою, способен. Бояться меня научила моя жена и не бояться тоже. Сейчас, если вы не окажетесь рядом, он вполне способен разрушить полмира и не заметить.

Я так и не поняла, серьезно он все это сказал или нет. Главное, вокруг чего крутились мои мысли — это то, что он мне предложил. И еще одна тема.

— Вы считаете, что я способна его остановить? — я приподняла брови. — Я?! Если он не хочет разговаривать даже с вами.

— Только вы и способны. Не знаю, что между вами произошло...

Аборт между нами произошел. В смысле, то, что Вайдхэн сказал, то, что раскаленным клеймом отпечаталось у меня в памяти и жгло, как узор на руке.

— Мне и не нужно этого знать, — подвел итог Ландерстерг.

— Вам нужно, чтобы я спасла полмира.

— Начните с себя. И со своих детей.

Напоминание о детях действовало отрезвляюще. Да, я хотела там оказаться любой ценой, и я окажусь. Плевать мне на международные отношения, Рагран и Ферверн как-нибудь

разберутся. А я поговорю с Вайдхэном, если, конечно, он не вышвырнет меня в окно. Следом за Ландерстергом, с высоты своего кабинета в Ровермарк. Правда, представить Ландерстерга вылетающим из окна было сложно, чего не скажешь обо мне. Скорее эти два дракона сцепятся на глазах у всех, прямо в драконоформе. Разнесут полбашни, точнее, полпирамиды, а на следующий день эта новость будет во всех СМИ.

Я прямо посмотрела на Ландерстерга: теперь уже можно было подумать и о том, что он сказал дальше.

Можно было.

А я думала про Лауру Хэдфенгер, которая настолько вошла в сердце правящего Ферверном, что его чувства звучали даже в коротких упоминаниях. Не могла не подумать и о том, что было между ней и Беном. Кто же эта женщина на самом деле? Что в ней особенного?

— Вы очень любите свою жену, — сказала я совсем не то, что думала.

Ландерстерг, хоть я и не спрашивала, неожиданно ответил:

— Да. Очень. Хотя с ней я чуть было не совершил ту же самую ошибку. Она не сказала мне о том, что беременна из-за моего отвратительного поведения. Из-за того, что мне не хватило чуткости посмотреть чуть глубже и почувствовать ее по-настоящему.

У меня в горле почему-то встал ком.

— Хорошо, когда мужчина умеет признавать свои... просчеты.

Мне надо было свернуть с этой темы как можно скорее. Или не надо, потому что Ландерстерг неожиданно улыбнулся. На удивление весело:

— Когда женщина это умеет, тоже неплохо.

Он это на что сейчас намекает?

— Я рад, что вы согласились, Аврора. Я рад, что вы не пошли против, потому что против него сейчас не стоит выступать никому. Когда я говорил про раненого дракона, я не шутил. Вы же знаете, что делает раненый, загнанный в пещеру дракон? Он нападает на всех. Рвет их в клочья до тех пор, пока не остановится сердце.

— Это Вайдхэн-то загнанный в пещеру? — я приподняла брови, а Ландерстерг поднял руки.

— Как я уже сказал, я рад, что вы согласились на попытку такого урегулирования.

Я усмехнулась. Как будто у меня есть выбор.

Идти к журналистам и наблюдать, как Вайдхэн закрывает Рагран для меня еще на пару замков? Или действительно попробовать с ним поговорить напрямую, высказать ему все, что думаю, рассказать о том, что чувствуют его дети. Если в его забитой до краев пламенем (не буду говорить дерьмом) башке не держится мысль, насколько они сейчас уязвимы. Насколько им нужна любовь.

Они ведь чуть не погибли, а он просто швырнул их в новую реальность, перекрыл их мир. И продолжает кроить до сих пор. Под себя.

— Зачем вы это делаете? — спросила я.

— Я дал вам слово.

— Только поэтому?

Ландерстерг вздохнул, а я поднялась.

— Хорошо. Говорите, что нужно делать.

— Как минимум стрижку, Аврора. Вы, конечно, пойдете со мной, и такой наглости он не ожидает, но на дипломатическом контроле может возникнуть неловкость. Вам нужно хотя бы немного измениться.

— Могу побриться налысо.

Второй раз за нашу встречу Ландерстерг улыбнулся открыто. Искренне.

— Нет, такие жертвы нам не потребуются. Просто сделаете стрижку и оденетесь в черное. Ваш образ совершенно не вяжется с черным.

Что неудивительно, у меня теперь аллергия будет на все черное. Особенно на Черное пламя Раграна.

— Остальное сделает макияж, — добавил Ландерстерг. — И, возможно, линзы.

Вместо ответа я просто кивнула. Уже направляясь к дверям, подумала, что если бы я все же побрилась налысо и надела мужской костюм, второе преимущество после эффекта неожиданности мне было бы гарантировано. Как минимум Вайдхэн бы очешуел и заткнулся, но будем работать с тем, что имеем.

Точнее, не работать. А биться.

Биться насмерть.

Я не вернусь из Раграна без своих детей.

Глава 9

Мне никогда не приходилось проходить контроль под чужими документами. С новой стрижкой, да вдобавок еще и с правящим Ферверна. Последний был тем фактором, что удерживал мои чувства, эмоции, а еще придавал сил. Казалось, часть его от замороженности передавалась и мне, потому что, сколько бы я ни репетировала перед зеркалом в гостиничном номере, сколько бы ни говорила, что от этого зависит судьба Роа и Риа, ближе к телепорту Хайрмарга меня начало потряхивать.

— Вы отлично держитесь, — похвалил меня Ландерстерг, когда мы вместе заходили с особой парковки в особый зал. Мне оставалось только кивнуть, я боялась, что подавлюсь первым же сказанным словом.

Причем, как ни странно, Вайдхэна я не боялась. Я опасалась того, что меня (а в данном случае, нас) раскусят раньше, чем мы выйдем из Мериужского телепорта. С его помешанностью на безопасности все могло быть, но, к счастью, обошлось. Все, весь окружающий мир проносился мимо меня, как декорации или слишком натуралистичные голограммы.

Я опомнилась, только когда снова оказалась во флайсе с Ландерстергом, и, кажется, примерно в это же время поняла, что снова могу дышать.

— Все самое страшное уже позади, — успокоил меня правящий, а я покосилась на него.

То есть он тоже считал, что самое главное — вот это вот все пройти, зная Вайдхэна?

Флайс поднялся в воздух, сопровождающие нас тоже. Мне было не привыкать летать с кортежем, а вот смотреть на родной город, в котором так давно не была... У меня даже слезы на глаза навернулись. В этом городе осталась мама и Зои, и Даг, и Кати. Я почти добровольно ото всего этого отказалась, а потом, чтобы не думать о том, от чего отказалась, с головой ушла в карьеру, добилась всего, о чем когда-то мечтала. Танцевала на большой сцене, обрела себя в балете, и что?

Что у меня осталось в итоге?

Куча достижений, а самое дорогое непонятно где.

Но главное — совершенно непонятно, что будет дальше.

Я прикрыла глаза, чтобы Ландерстерг не заметил слез, которые собирались хлынуть уже потоком, испортить макияж, да и в принципе всю легенду, потому что макияж действительно изменил мое лицо. Это была я, но и не я, выходя на сцену, я привыкла менять образы и знала, что сила опытного гримера (а в данном случае визажиста) — создавать совершенно разные образы, разные лица, не прибегая к помощи пластического хирурга. Сейчас я была в роли Фионы Лэндор-Дэйс, нового ассистента Торнгера Ландерстерга, и мне нужно было держать эту роль.

Держать и не думать обо всяких глупостях в стиле: «А что дальше?»

Ландерстерг был предельно тактичен, поэтому не лез ко мне с вопросами: «Как вы себя чувствуете?» или со светскими разговорами. Больше того, пока мы летели, он сделал вид, что меня рядом нет для него, и его рядом нет для меня, совершил пару звонков, еще один принял и общался так, будто в самом деле был один. Мне это помогло расслабиться. Это, а еще глубокое дыхание, когда я вдыхала прохладу кондиционированного воздуха, дорогой запах кожаного салона с легкой горчинкой какого-то ненавязчивого ароматизатора.

Я открыла глаза только когда почувствовала, что флайс начинает снижаться, и увидела вырастающую впереди громаду Ровермарк. Эту махину, которая за время моего отсутствия, кажется, стала еще больше. В Мериуже не бывало такой жары, как в Зингсприде, но это лето все равно выдалось жарким, и солнце вплавлялось в зеркальное здание, обманчиво раскаляя холод оттененных зеленой тонировкой стекол.

Многочисленные наросты вокруг этой полупирамиды вырастали, как иглы или как шипы на гребнях и спинах глубоководных.

Как защита, которую не пройти и не преодолеть, как самое опасное в мире оружие.

— Глубоководные еще выходили на связь? — неожиданно спросила я Ландерстерга.

Он покачал головой.

— Нет. У берегов больше не появлялись. Но и не исчезали, как раньше, на глубине их несколько раз засекали радары.

— Наверное, это хороший знак?

— Это определенно хороший знак, Аврора. Они скрывались так давно и так основательно, что сейчас это какой-то новый уровень доверия. Благодаря вам.

— Мне?

— Ну не Вайдхэну же. К нему они не пришли.

Я так и не поняла, пошутил он или нет, потому что флайс уже опустился на парковку. На специально выделенное, огороженное, бронированное место, первыми выходили мерг-хандары, встречали нас вальцгарды и пресс-секретарь Вайдхэна. Я чуть не шарахнулась в глубину салона, когда узнала ее, но Ландерстерг уже подał мне руку, и мне не оставалось ничего иного, как выйти.

— Просто не снимайте очки, — негромко произнес он, шагая вперед.

Перед ним расступались все, словно его сила шла впереди него, расчищая дорогу. Мне полагалось идти рядом с ним, выслушивать приветствия от той, с кем я работала — пусть и совсем недолго. А ведь я здесь работала, и у меня даже голова закружилась, когда я шла сквозь знакомый холл, знакомыми коридорами. К счастью, рядом со мной шел Ландерстерг и его сила, и все внимание было приковано к нему, а я была всего лишь тенью. Кого там интересует Фиона Лэндор-Дэйс, ассистентка, которая идет рядом. В классическом черном деловом костюме, под которым белая блузка с высоким воротничком. Черные туфли на шпильке, идеальная укладка короткой стрижки — выпрямленные волосы чуть ниже плеч.

Такой идеальный образец фервернского секретаря при идеальном боссе.

Я не особо вслушивалась в разговоры Ландерстерга, а в лифте вообще начала считать этажи. Дальше был коридор, знакомая, невыносимо-знакомая приемная, а после...

— Не думал, что ты теперь везде водишь с собой секретаря. — Холодный голос Вайдхэна ввинтился в сознание, когда Ландерстерг пропустил меня вперед, в знакомый до одури кабинет.

— Эта женщина гораздо больше, чем секретарь. — Ландерстерг закрыл за собой дверь, и только после этого кивнул мне.

Прямой, словно она была в гипсе, негнувшейся рукой, я сняла очки. И, словно в меня действительно вошла часть сила правящего Ферверном, холодно посмотрела на Вайдхэна. Чтобы спустя мгновение сквозь короткое недоумение в его глазах увидеть колючее, жесткое узнавание.

Тяжелую, черную ненависть.

— Назови мне хотя бы одну причину не вызвать охрану прямо сейчас, — он обращается не ко мне, он обращается к Ландерстергу.

Но отвечаю я:

— Наши дети, — и возвращаю ему такой же колючий тяжелый взгляд.

Пусть не думает, что я пришла к нему выпрашивать высочайшего снисхождения. Я здесь на правах матери, и я, будем честны, имею на Роа и Риа гораздо больше прав, чем этот свежее-определившийся папочка. Который хотел отправить их на аборт.

Как ни странно, это срабатывает, потому что охрану Вайдхэн не вызывает. Смотрит, правда, снова не на меня, а на Ландерстерга, в упор, и интересуется в свойственном ему тоне:

— Как ты себе представляешь этот разговор?

— Этот разговор представляю я. — Хочется ему говорить через Ландерстерга, будем говорить. Ну, по крайней мере, пока мы вдвоем. Потом Вайдхэну придется открывать рот и выдавать слова лично мне, а не в долг через десятых лиц, но пока сойдет и так. — Пока мы будем разговаривать в твоём специальном защищенном бункере, ферн Ландерстерг побудет здесь. Таким образом никто не узнает о том, что здесь происходит, но если ты попытаешься меня выставить...

Я сжимаю зубы.

— Весь мир узнает о том, что ты хотел отправить меня на аборт.

Вот дерьмо! Кажется, я сказала об этом раньше, чем собиралась, по крайней мере, у Ландерстерга вытягивается лицо — сначала вытягивается, потом становится каменным. Что касается Вайдхэна, оно и не переставало таким быть, но сейчас внутренний скульптор еще поработал над звериной частью. У него даже зрачки вытягиваются в острия, в вертикаль, была бы возможность, он бы воткнул мне что-то похожее в сердце. Сейчас же просто коротко производит:

— За мной.

— Ты пропустил слово «следуй», — я понимаю, что этого дракона дергать за хвост не стоит, но меня уже понесло, и остановить смогут, пожалуй, только парочка ударов с правой по этой самоуверенной непробиваемой физиономии.

Но я же девочка. Я не дерусь. Особенно в присутствии посторонних, поэтому просто иду за ним, в тот самый кабинет, который он мне показывал, когда я работала у него секретарем. Здесь ничего не изменилось, совершенно, это все та же «комната отдыха», запасное рабочее место для того, кто привык всегда и во всем себя контролировать и ограждать ото всех случайностей.

Стоит мне оказаться внутри, щелкает замок, коротко урчит панель блокировки, и мы оказываемся лицом к лицу.

— Верни мне моих детей, — четко, проговаривая каждое слово, произношу я.

— *Твоих* детей? — шипит он не как глубоководный, а как оголодавший и отравившийся собственным ядом пустынный.

— Они мои. Ты от них отказался. Когда сообщил, что я должна буду сделать аборт, и что беременность в твои планы не входит.

— Ты. Не имела. Права. Их увозить, — выплевывает он.

— Правда? Нужно было остаться, чтобы их из меня вытряхнули? Твои дети прятались от тебя, Вайдхэн! — с трудом сдерживаясь, говорю я ему в лицо. — Они даже на УЗИ, на анализах не показывались, чтобы ты о них не узнал! Или ты думаешь, все это тоже сделала я?! Специально подкупила всю твою бравую команду врачей, а заодно и валыцгардов?! Это сделали они! Роа и Риа! Они знают тебя не знают, и не хотят, и не захотят, пока ты будешь вести себя так! Ты же просто забрал их. А они не игрушки! Они живые! У них бьются крохотные любящие сердечки, у них есть чувства!

— О моем сердце и моих чувствах ты не подумала, — он усмехается. — Когда продавалась Халлорану и его марионетке.

Вот теперь мне правда хочется ему врезать. Хотя почему теперь, мне хочется ему врезать уже давно.

— Я никому не продавалась, — цежу я. — Я увезла их, чтобы спасти. Чтобы защитить. Как в свое время защитила Ларрета от Карида.

— Твой Ларрет остался с тобой только благодаря мне. — Между нами расстояние в метр, но ощущение такое, что все это пространство заполнено молниями, и они бьют, бьют, бьют безостановочно. Кажется, стоит мне сделать шаг, и в меня ударит разряд, от которого я уже не смогу оправиться.

— И я, кажется, поблагодарила тебя за это.

— Кажется? Да, ты поблагодарила. Благодарить ты умеешь, Аврора. Как ты поблагодарила Халлорана за убежище?

Я все-таки замахиваюсь, но, разумеется, ударить не успеваю. Мою ладонь перехватывают, запястье сдавливают стальным браслетом сильных мужских пальцев.

— Верни мне моих детей! — теперь мне уже плевать на молнии и на разряды, я шиплю на него, готовая вцепиться ему в лицо второй, свободной рукой, на которой вспыхивает узор. Я это чувствую, потому что кожа словно начинает плавиться, словно по всем его ответвлениям, росточкам бежит магма, раскаленное пламя.

— У меня к тебе встречное предложение: ты сейчас просто спокойно выйдешь из этого кабинета и исчезнешь вместе с Ландерстергом. Навсегда. Не окажешься под следствием за проникновение на территорию страны под фальшивыми документами, и Ферверну не придется давать официальные показания на совете Мирового сообщества.

— Я тебя ненавижу, — выдыхаю я. — Чтоб ты сдох, Вайдхэн!

— К сожалению для тебя, глубоководные живут очень долго, — он усмехается, а потом отталкивает меня. Разжав пальцы, каким-то диким, звериным импульсом, почувствовав который мне по-животному хочется пригнуться к полу, признать его власть. Вместо этого я отвечаю, неосознанно, чуть ли не с рычанием выдыхаю, бросаясь на него. С пальцев срывается черное пламя, ударяется о его, сплетается воедино. Руку словно окунают в кипяток, а потом...

«Мама! Мамочка!» — раздается в голове отчаянный крик.

Кажется, это Риа. Это Риа!

В меня ударяет немыслимой силой, которая словно проходит сквозь меня, скручивается спиралью вдоль позвоночника. Я успеваю только увидеть, как Вайдхэн меняется в лице, а потом соскальзываю в темноту. В бушующее черное пламя, которому нет ни конца ни края.

Глава 10

В воздухе почему-то так сладко пахнет... так сладко и так приятно, как в какой-то уютной кондитерской или кафе. Мне кажется, это что-то из детства, но я не успеваю ухватиться за эту мысль, потому что запах и уют опять сменяются темнотой.

Когда я прихожу в себя в следующий раз, я слышу голоса (к счастью, не в своей голове, и то ладно).

— ... это черное пламя. Пока что я вижу, что...

Кто и что там видит, тоже дослушать не успеваю. Проваливаюсь обратно.

Здесь, в темноте, нет ничего, но что-то настойчиво зовет меня обратно. Что-то, или... кто-то? Я даже в полубытии чувствую, как меня кто-то настойчиво ищет. Словно тоже бродит со мной по этой бесконечной черной бездне. Велико искушение ей поддаться и остаться в ней навсегда, но в этот момент я вспоминаю запах.

Тот самый невероятный запах, который окутывал меня, который меня касался, который был повсюду. Усилием воли заставляю себя зацепиться за него, погрузиться, чтобы вспомнить что-то очень важное, и в этот момент понимаю: нет, это не камартовый флар и не тонкий аромат кофе. Не присыпанные сладкой пудрой с тонкой горчинкой булочки. Это вообще не имеет никакого отношения к еде, это — запах моих детей. Для меня они всегда пахли так невероятно, так безумно сладко, и они всегда очень любили сладкое, маленькие сладкоежки.

Роа и Риа!

Я выдергиваю себя из забытья, каким-то загадочным образом заставляю себя приподнять веки, каждое весом с глубоководного фервернского. Первый, на кого я натыкаюсь взглядом — Арден, он мне улыбается:

— С возвращением, Аврора.

Он улыбается! А у меня падает сердце. Если здесь Арден, значит, я снова в Ферверне, значит, все было зря. Все зря!!! Из глаз сами собой брызжут слезы, и Арден перестает улыбаться, наклоняется ко мне, взгляд вмиг становится изучающим, цепким:

— Что случилось, Аврора? Что у вас болит?

Сердце! У меня болит сердце, потому что из него выдрали моих детей. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не заорать все это ему в лицо, но в этот момент раздается шорох открывшейся двери, я слышу шаги. Раньше, чем он успевает нарисоваться в пределах моей видимости, я сажусь на кровати. Так резко, что кружится голова, но я хватаю первое что подворачивается под руку и швыряю в него:

— Ненавижу! Ты забрал у меня детей!

Вайдхэн, естественно, легко уворачивается, а слезы высыхают. Во-первых, рыдать при нем я не стану, а во-вторых — если он здесь... но здесь же и Арден. А я еще не в палате, оглядываюсь по сторонам и узнаю вид из окна. Знакомый вид из окна: пентхауса Вайдхэна. Но...

— Дальше мы сами, спасибо, — мрачно произносит Вайдхэн, Арден с сомнением переводит взгляд с него на меня, но потом все-таки выходит.

— Только приблизься, — шиплю я, готовая драться, и узор на руке тут же снова напоминает о себе.

— Не заставляй снова приглашать Ардена и колоть тебе успокоительное.

— Тебе не нужно кого-то приглашать, чтобы вколоть мне успокоительное, — язвительно цежу я. — Сам хорошо справляешься. Особенно когда я поворачиваюсь к тебе спиной! Герой. Вайдхэн сдвигает брови, но тут же глубоко вздыхает.

— Нам не нужна очередная ссора, Аврора.

— Нет. Мне не нужна ни ссора с тобой, ни ты в пределах досягаемости — слишком велика вероятность сесть за покушение. Мне нужны мои дети!

— Твои дети приходили к тебе, — огорошивает меня он, и я замираю. — Пока ты была без сознания.

Значит, не показалось? Не показалось?! Они действительно здесь были, мои маленькие, Роа и Риа!

Драконы!

Они же могли напугаться, увидев меня такой...

Вздрагиваю. Прикрываю глаза, чтобы справиться с чувствами и собраться с мыслями, но мысли не собираются. Пока нет. Я даже знать не хочу, что произошло в том кабинете, когда я бросилась на него, вообще ничего не хочу знать.

— Где они сейчас? Я хочу их видеть!

Вайдхэн качает головой.

— Я тебя убью, — обещаю я. И, клянусь, ни на миг не кривлю душой.

— Потом. После того, как мы поговорим.

— Поговорим о чем?

— О том, что наше пламя схлестнулось. Из-за этого пошел сильный откат, тебя ударило ответной волной. Меня тоже, но во мне эта сила уже достаточно долго, поэтому для меня все прошло легче.

— Что прошло легче? Что там вообще произошло?

— Слияние пламени. Мы теперь пара, Аврора.

Че-го?

Что-то такое я помнила, хоть и смутно. Про дракона Вайдхэна, который меня каким-то образом отметил и возжелал видеть своей парой еще тогда, почти пять лет назад. Но если у этого дракона есть хоть капля драконьих мозгов в голове, ему бы ни за что, ни за какие хрустящие шарики такое в нее даже не взбрело бы.

— Ты издеваешься, — сказала я.

— Нет.

— А по-моему, ты издеваешься. Какая пара?! Я хочу видеть своих детей, Вайдхэн!

— Увидишь. Когда мы поговорим.

Я моргнула. Соппротивление — по крайней мере, такое, к какому я готовилась, не потребовалось. Зато мне сейчас требовалось другое: срочно расслышать то, что он сказал. Потому что парой я с ним не стану, даже если он останется последним мужчиной в этой Вселенной!

— У твоего дракона обострение, — сказала я, желая как можно скорее покончить с этим, — но мне без разницы. Я не драконесса, не имею к этому ни...

— Вообще-то, иртханесса, Аврора. По всем показателям ты сейчас иртханесса.

Он точно издевается.

— На это мне тоже плевать.

— А зря, — Вайдхэн приблизился. — Потому что вчера ты — человек, а сегодня — иртханесса. Больше того, моя пара.

Да что ж он заладил-то? Пара, пара.

— Нет. Не знаю, какие у вас там драконьи законы, но я...

— Это не драконьи законы. Это природа иртханов, унаследованная от тех, кто поделился с ними пламенем. Драконы становятся парой после спаривания, — Вайдхэн загнул палец, — слияния огней и совместного сна. Когда драконы становятся парой, они больше не смотрят на других самцов, самок, их просто физиологически к ним не потянет. Пара проводит вместе всю жизнь, когда уходит один, практически следом за ним уходит и его пара. Если это не возраст, то через угасание пламени. Пара драконов связана навсегда, на всю жизнь. Пара иртханов тоже.

Мне стало слегка не по себе.

— Ты перечислил слияние огней, спаривание и совместный сон. Чтобы стать парой, достаточно чего-то одного?

— Нужно все вместе. В один день.

Дыши, Аврора, дыши! Все хорошо.

— Какое счастье, что всего в один день у нас не было.

А главное, и не будет.

— Это то, что касается обычных драконов, — оговорил меня Вайдхэн. — Как выяснилось, глубоководным все вместе не нужно. Тебе не потребовалось ни вливание крови, чтобы стать ирлханессой, ни два остальных пункта, чтобы стать моей парой.

У меня закружилась голова. Как же здорово, что я сижу. Как же здорово... но все, что он говорит, не может быть правдой. Просто не может.

— Ты же сам сказал, — зверея, произнесла я, — что нужно спаривание. Сон. Не только слияние.

— Еще я сказал, что глубоководные — особенные. Так же, как и черное пламя.

— Да я вообще никакое пламя! — взвыла я.

Нет. Не может такого быть. Судьба не может быть настолько повернутой, чтобы связать меня с ним... с ним! Навсегда. В отчаянии я вцепилась в покрывало и сбросила его. Беспроводные датчики возмущенно запищали (хотя на самом деле, конечно же, не датчики, а аппарат).

— Хватит. Мне все равно. Позови Роа и Риа, я хочу с ними поговорить.

— Тебе придется смириться, Аврора.

— С чем? С тем, что мне придется провести всю жизнь с тобой? Нет. Не-а. У меня не было никакого спаривания, я не давала своего согласия!

— Если бы не давала, пламя не связало бы. Анализы не показали бы того, что я видел, — почти прорычал он.

— Это не я! Это все твоё... черное пламя! — выдохнула отчаянно. Саданула ладонями по его груди. — Оно мне не нужно! Ты мне не нужен! Забери его! Отмени это! Если глубоководные такие особенные, они вполне могут все отменить! Ты можешь все отменить!

Вайдхэн перехватил мои запястья. Сейчас он оказался настолько близко... настолько, что в меня ударило его дорогим ароматом. Ударил этой близостью, ударил знакомым выражением лица, даже разгорающимися искрами огня в радужке. Я почти забыла, какой он высокий, а еще забыла эту резкую линию губ. Скулы. Гладко выбритый подбородок. От сумасшедшего наваждения потемнело в глазах, меня повело, и я врезалась губами в его губы, когда он дернул меня на себя.

На миг все внутри перевернулось, стало невыносимо жарко, все тело рванулось к нему... а я рванулась назад.

— Не-ет! — с силой оттолкнула, пошатнувшись и чуть не свалившись обратно на кровать. — Не будет этого, Вайдхэн. Не будет никакой пары. Если ты хочешь сохранить хотя бы какие-то минимально хорошие отношения со мной и с детьми, ты сейчас же их пригласишь! И уйдешь. Оставишь нас втроем.

— А вот диктовать условия ты мне не будешь, Аврора, — холодно припечатал он. Так холодно, словно и не был мгновение назад воплощением пламени. Ландерстерга он, что ли, съел, пока я была в отключке?!

Его зрачки еще раз дернулись в вертикаль, а после стянулись в человеческие.

— Приведите детей, — коротко сказал он, коснувшись коммуникатора.

Мне же разом расхотелось с ним драться, доказывать что-то. Объяснять. Пройдет время — решится вопрос и с этим парным недоразумением, а пока...

— Мама! Мамочка!!!

Роа и Риа влетели в распахнутую дверь, и у меня снова потемнело перед глазами. Только на этот раз от нежности. От такой невыносимой, глубокой нежности, от такой любви, от такого

счастья, что я замерла на месте. Не хватило сил броситься им навстречу, я боялась, что просто свалюсь в обморок повторно. Напугаю их еще больше, и мы так и не поговорим.

Когда я опустилась на корточки, раскрыв им объятия, а они врезались в меня двумя маленькими ураганчиками, я только судорожно вздохнула. И прижала близнецов к себе.

Глава 11

Черное пламя Раграна

— Мама! Мамочка!!!

Голос дочери ввинтился в самое сердце. Раньше он даже не представлял, что можно так чувствовать кого-то. Когда в его жизни появилась Аврора, это было невыносимо, отчаянно, безумно-проникновенно. Когда ее маленькая копия... это было похоже на взрыв. Словно внутри все рвалось каждый раз, когда она плакала или просто молча укоризненно смотрела на него своими голубыми глазами. С сыном было проще — это молчаливое яростное противостояние маленького мужчины еще можно было как-то выносить. Но не взгляд дочери. Не ее чувства.

В отличие от Роа она не пыталась давить силой — тот, хоть и четырехлетний, уже с первого дня основательно почувствовал мощь черного пламени. Риа больше не кричала, не говорила, что хочет к маме. Она просто один раз сказала:

— Я никогда-никогда-никогда не буду тебя любить.

И отвернулась.

Сейчас же его полоснуло безграничной нежностью, бесконечной любовью, отчаянной радостью, смешанной с детским восторгом. Когда близнецы устремились к матери, когда она их обняла, его просто накрыло этим сумасшедшим коктейлем из чувств, накрыло и поволокло в воронку такой силы, по сравнению с которой черное пламя казалось детской игрушкой.

Игрушки, кстати, не спасали тоже.

Дети к ним больше не притрагивались, даже больше не смотрели в их сторону. Может, в комнате теперь и царил абсолютный порядок, но детскую она напоминала меньше всего. Брат и сестра постоянно сидели вместе, автоматически подчинялись няне, и еще больше автоматически — что несказанно бесило — ему. Они вели себя как заводные куклы, не как живые дети.

Не как малыши, отчаянные и жизнерадостные.

Конечно, можно было все списать на то, что они пережили, но в его возрасте уже слишком мерзко себя обманывать. Они вели себя так не из-за черного пламени, не из-за того, что пережили огненную лихорадку, а из-за того, что им нужна была мать.

Аврора.

Они примут только Аврору.

Каким-то десятым чувством он это понял почти сразу, поэтому на вопрос Дейан:

— Я просто хочу знать: у нас все хорошо?

Он ответил:

— Нет.

Вопрос был вполне в ее стиле, лишенный каких бы то ни было эмоций, она всегда руководствовалась разумом и выбирала разумом. Дейан была настолько разумна, насколько возможно, она не полезла ему в душу — узнавать, почему он забрал детей. Она не стала расспрашивать, что произошло. Для нее, казалось, вообще было неважно, что это случилось.

В каком-то смысле он даже этого хотел. Хотел, чтобы рядом была женщина, с которой можно говорить о политике и экономике, идеальная жена для всех, для него — тоже идеальная, потому что позволять себе чувства к кому бы то ни было он тоже больше не собирался, равно как и мучиться чувством вины из-за того, что у жены есть к нему чувства, а у него нет. В этом смысле они с Дейан были идеальной парой. Она тоже не горела желанием впасть в конфетно-букетный период, секс с ней был той самой разрядкой, которая ему требовалась, как любому здоровому и нормальному мужчине.

У нее были свои планы на жизнь, у него — свои.

И вот сейчас они рухнули. В тот момент, когда он увидел своих детей, когда впервые взял дочь на руки.

Миниатюрная копия Авроры.

Девочка, которую хочется беречь ото всех и ото всего, кажется, настолько хрупкая, что ее может унести ветром. Вот только это первое впечатление обманчиво, похожее ощущение у него возникало и от Авроры, но силы этой женщине было не занимать. Если она нашла общий язык с Ландерстергом и рискнула сунуться к нему под фальшивой личиной...

Да, он ее недооценивал. Во многом недооценивал.

В том числе и насколько она готова драться за своих детей, и в миг, когда их пламя схлестнулось, он даже не сразу понял, что произошло. Сначала показалось, что он просто пропустил удар, ее атаку, направленную в самое сердце. Но этого точно не могло быть: обученный с детства, как ставить блоки огня, сначала обычного — потом трансформировавший это в защиту черного пламени, он просто не мог позволить себя ударить. Особенно этой маленькой хрупкой женщине.

Хотя у нее почти получилось. В ту минуту, когда их пламя схлестнулось и их обдало откатом, как волной раскаленной лавы, ударившей из жерла вулкана, в тот момент, когда он почувствовал, какой силы этот откат — той, что способна остановить даже сердце иртыхана, не говоря уже об обычной женщине, когда он увидел, как Аврора начинает оседать, мир треснул, как стекло в слабой точке.

В тот миг, когда он бросился к ней, он почувствовал, как из груди выбило воздух. Как от удара мощного, яростного, бесконечного, способного раскрошить ребра. В тот миг ему показалось, что остановилось его сердце, и забило оно только когда Аврора оказалась у него на руках. Когда он почувствовал, услышал, впитал ее пульс, запустивший его.

Аврора Этроу

— Мы приходили к тебе, когда ты спала!

— Но ты спала и ничего не слышала.

— А еще Роа сказал, что тебя нужно звать, и ты услышишь... ты меня слышала, мамочка?

Мои дети говорили наперебой, даже Роа, который не привык к обнимашкам, сейчас не спешил выпутываться из моих объятий и говорить, что он — мужчина. Я чувствовала его дыхание на своей шее, чувствовала, как руку щекотят длинные волосики Риа, и не могла поверить в это счастье. Какое же это все-таки счастье! Я даже не представляла, какой ценностью обладаю, когда могу вот так, каждый день, каждую минуту обнять своих детей. Поцеловать их. Сказать им, что я их люблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.